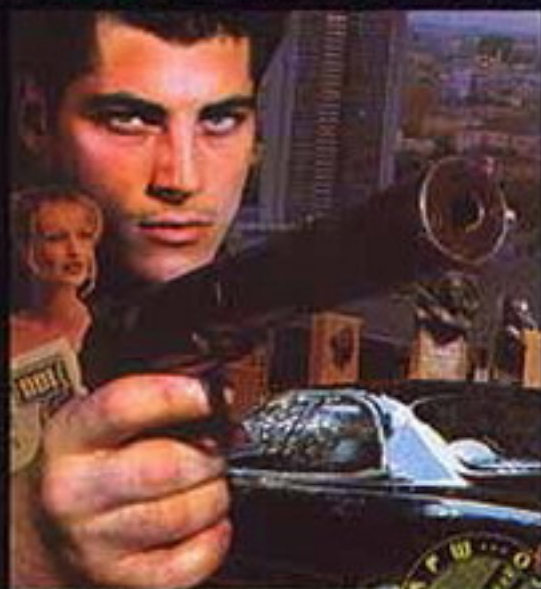

ФРИДРИХ НЕЗНАЙСКИЙ

Ошейники
для волков

Марш Турецкого

Фридрих Незнанский
Ошейники для волков

«Автор»

Незнанский Ф. Е.

Ошейники для волков / Ф. Е. Незнанский — «Автор», — (Марш Турецкого)

Его убили, когда он выходил из своей машины, среди бела дня. Выстрела никто не слышал. Убийцу никто не видел. Первым был убит известный банкир. За этим последовала серия загадочных убийств очень влиятельных людей. Герою романов Ф. Незнанского старшему следователю по особо важным делам при Генеральном прокуроре РФ Александру Турецкому пришлось соприкоснуться с тайнами, плата за которые – смерть.

© Незнанский Ф. Е.

© Автор

Содержание

Пролог	5
Часть первая	6
Глава первая	6
1	6
2	9
3	11
4	12
5	15
Глава вторая	18
1	18
2	20
3	22
4	24
Глава третья	27
1	27
3	29
4	31
5	34
6	36
Глава четвертая	39
1	39
2	45
3	47
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Фридрих Незнанский

Ошейники для волков

Пролог

То, что еще два часа назад было роскошным «мерседесом», сейчас чернело кучей искореженного металла, от которой несло смрадом горелой пластмассы, кожи; ко всему примешивался сладковатый запах паленой плоти.

Водителя кое-как вытащили из машины и увезли. Опознать его, конечно, было невозможно. Труп сильно обуглился. Ни о каких документах не могло быть и речи. Следователь прокуратуры из Наро-Фоминска капитан Александр Жуков и скучающие служивые из Московского областного уголовного розыска угрюмо размышляли о возможной причине трагедии. Собственно говоря, присутствие на месте катастрофы прокурорского следователя и сыскарей было обусловлено лишь наличием трупа.

Некоторые детали происшествия показались Жукову несколько странными, но, взглянув на хмурых мужчин в добротных плащах, своих коллег, которым явно лишняя мороза была ни к чему, он решил их не напрягать. Тем более, что каким-то чудом сохранился, пусть и потемневший от огня, номер автомобиля. По нему легко можно было установить владельца «мерседеса» и таким образом быстро прекратить дело.

В конце дня Жуков получил информацию о хозяине машины. Скромная фамилия Иванов в сочетании с именем произвела на него впечатление: это был знаменитый столичный шоумен, которого Жуков много раз видел по телевизору, даже ходили слухи, что этот продюсер пользуется благосклонностью самого Президента. Итак, погибший оказался Юрием Ивановым, руководителем влиятельной телекомпании «Спектр». Это обстоятельство несколько обеспокоило следователя Нарофоминской прокуратуры. Однако наличие в крови погибшего алкоголя давало надежду списать все на несчастный случай.

Останки шоумена перевезли в Москву. Жена погибшего опознала труп, как она сказала, по зубам, и забрала тело для погребения.

Известному продюсеру нашлось место на Ваганьковском кладбище. Там лихого автолюбителя и схоронили в присутствии коллег и завистников. Какая-то женщина на похоронах все прорывалась к закрытому, богато отделанному гробу, но родственники и подруги вдовы ее не подпустили. Зеваки оживленно обсуждали случившееся, но так громко, что их пришлось урезонить.

Когда над могилой вырос холмик земли, а в головах поставили резной крест, зрители последнего шоу «от Юрия Иванова» расселись по иномаркам и поехали на поминки. Вдова шоумена держалась достойно.

Часть первая

Обряд переворачивания покойника

Глава первая

1

Начальник МУРа полковник Грязнов пригласил к себе в кабинет своего зама подполковника милиции Яковлева и оперуполномоченного старшего лейтенанта милиции Бодрова. Сегодня офицеры были в штатском. Войдя, они поприветствовали Грязнова и уселись в кресла напротив шефа. Хозяин кабинета молчал и что-то сосредоточенно чертил ручкой на листе бумаги. То ли унылая казенная атмосфера повлияла на Никиту Бодрова, то ли удручающий вид начальников, но ему вдруг захотелось свалить отсюда, посидеть в каком-нибудь баре, попить холодного пивка в обществе красивых женщин. В этот момент Никита поймал на себе изучающий взгляд Вячеслава Ивановича Грязнова. Ему показалось, что шеф прочитал его мысли, и Никита отвел взгляд в сторону. «Вот взять бы и сказать начальнику о своем желании. Хорошо соблюдать субординацию, когда ничего не хочется», – с досадой подумал Бодров. Он стал перебирать в голове фразы, которые тонко и ненавязчиво намекнули бы его начальникам о том, как быстро и эффективно можно поднять жизненный тонус. Но ситуация в мгновение изменилась. Грязнов бросил ручку на стол, пригладил ладонью свою рыжую шевелюру и мечтательно заметил:

– Да, Бодров, я вот тоже подумал, что лучше бы сейчас сидеть нам где-нибудь на бережку Красного моря...

Никита обрадовался возможности поговорить и живо ответил:

– Нет, Вячеслав Иванович, я свою профессию ни на какое море не променяю. У меня просто мания какая-то в смысле тяги к сыскной работе.

– Что еще за мания? – не понял Яковлев.

– Страсть как за людьми бегать люблю, Владимир Михайлович.

– Ну и шел бы в олимпийские чемпионы, – вставил Грязнов. – Там не так опасно и платят больше.

– Да мне скучно по кругу бегать, товарищ полковник, проходными дворами куда увлекательней, – возразил Никита.

– И много ты преступников наловил по дворам-то? – улыбнулся Грязнов.

– Да нет, тут сам процесс важен, – вновь нашелся что ответить Никита.

– Ну ладно, сынок, язычок, я вижу, у тебя хорошо подвешен, – похвалил Грязнов старлея.

– Однако к делу: что у нас с угоном иномарок от «Палас-отеля»?

– На сегодняшний день, Вячеслав Иванович, имеется пять угнанных тачек, – отрапортовал Никита. – Все принадлежат приехавшим из-за рубежа бизнесменам. Это затрудняет розыск. Некоторые из пострадавших иностранцев, правда, относятся к случившемуся с пониманием...

– С пониманием чего? – удивился Яковлев.

– С пониманием временных трудностей переходного периода... – уточнил Никита с улыбкой. – Один даже посмеялся и, проявив что-то по-своему, купил себе новую тачку и помахал нам ручкой.

– Ну и какие у тебя идеи по этому поводу? – перебил опера Грязнов.

Бодров сделал небольшую паузу и продолжал:

– Я полагаю, что в «Паласе» действует устойчивая преступная группировка.

– Скорее всего, – кивнул Грязнов. – А еще?

– Еще, товарищ полковник, у них, возможно, есть наводчик. Он либо работает в этом отеле, либо приходит туда в качестве проститутки и накалывает нужных клиентов.

– Это ты, Бодров, хорошо подметил. Моя подруга Тоня Черная Дыра была бы польщена твоей догадкой, – глубокомысленно заметил Грязнов.

Яковлев не удержался и прыснул со смеху.

– А чего я такого сказал? – недоумевал Никита.

– Ты сказал больше, чем мог, но гораздо меньше, чем хотел, – пояснил Яковлев.

Зазвонил телефон. Грязнов поднял трубку и услышал знакомый басок начальника главка МВД Федорова:

– Это ты, рыжий?

– Так точно! – ответил Грязнов.

– Один?

– Нет, с подполковником Яковлевым и старшим лейтенантом Бодровым.

– У меня к тебе просьба, – продолжал Федоров. – Я пошлю к тебе человека... поговори с ним и попытайся помочь... Это моя просьба...

– Хорошо, товарищ генерал-лейтенант, – буркнул Грязнов.

– Что, тебе моя просьба не очень понравилась? Вячеслав, ну уж сделай милость, – сухо проговорил Федоров и прервал разговор.

– Федоров звонил? – спросил Яковлев.

– Он. Подсовывает мне кого-то своего. Ведь знает же: не люблю. Думает, если я по его просьбе возглавил МУР, то он будет мне теперь этих своих блатных подсовывать. Как был треплом, так и остался, – махнул рукой Грязнов.

– Ну, Слава, позволь с тобой не согласиться, – съязвил Яковлев. – Раньше он был просто треплом, а теперь – важное трепло. Главк – это тебе не шутка.

– Да пошел он... Однако поговорить с этим блатным придется, причем тебе.

– С удовольствием, – вздохнул Яковлев.

В дверях Яковлев и Бодров буквально столкнулись с высоченным крепким мужчиной в кожаном пальто.

– Здравствуйте! Я от Федорова, – четко произнес гость.

– Я в курсе, – сухо ответил Грязнов. – Пройдите, пожалуйста, с подполковником Яковлевым. Он вас выслушает.

Яковлев прошел с гостем в свой кабинет. Подполковник попытался по суровому, но явно не блестящему интеллектному лицу незнакомца определить его профессию. Оказалось, не просто. Такое лицо могло принадлежать и офицеру, и спортсмену, и милиционеру, и бандиту. И человеку, объединившему в себе все эти виды деятельности.

– Я от Федорова, – повторил гость. – Меня зовут Сергей Васильевич Колобов. Я – генеральный директор фирмы «Каскад».

– Очень приятно, – кивнул Яковлев. – Я заместитель начальника МУРа подполковник Владимир Михайлович Яковлев. – Муровец постарался произнести эти слова в доброжелательном тоне. Это подействовало – Колобов расслабился, улыбнулся и сказал:

– Я очень надеялся, что наша беседа будет носить доверительный характер и, кажется, не ошибся. – Он протянул подполковнику свою визитную карточку, переливчатую, как детская переводная картинка.

– Внимательно вас слушаю, Сергей Васильевич, – улыбнулся подполковник.

– У меня недавно пропал брат, Олег, – начал Колобов.

– Родной брат? – поинтересовался Яковлев.

- Не то слово! Мы с Олегом близнецы.
- То есть ваш брат уже вполне самостоятельный человек?
- Намекаете, что искать не будете? – насторожился Колобов.
- Почему же. Искать мы его будем, но только специфика у нас несколько другая. Давно ли он пропал? – спокойно спросил Яковлев вдруг занервничавшего гостя.
- Да уже месяц, как его нет.
- А вообще у вас принято предупреждать друг друга о своем отсутствии?
- Раньше нет. Но это было до того, как он поступил на работу в мою фирму. Пока Олег не работал у меня, он мог заниматься чем угодно. Но когда устроился на работу... ну, в общем, в концерне у нас с дисциплиной очень строго.
- В каком концерне? Вы же сказали, у вас фирма.
- Все верно: у меня фирма «Каскад», но она является дочерним предприятием концерна «Кононг». Учредитель концерна – Союз ветеранов Западной группы войск. Отсюда и дисциплина.
- Понятно. Значит, мы где-то с вами коллеги, – заметил Яковлев.
- Если вы имеете в виду погоны, то мы с вами действительно где-то коллеги, потому что я в отставке, а вы предпочитаете ходить в штатском, – кивнул Колобов на беспогонное плечо подполковника.
- Скучаете по форме? – спросил Яковлев.
- Да как вам сказать... иногда хочется надеть форму, пройтись, – задумчиво ответил Колобов. Вопросы сыскаря успокоили его и даже вызвали ностальгическое чувство. Но он быстро взял себя в руки и еще раз четко повторил цель своего прихода.
- Яковлев решил, что подготовка прошла успешно и пора приступать к обычной работе, без всякий эмоций.
- И чем же занимался ваш брат в вашей фирме?
- Колобов глянул настороженно:
- Зачем это вам?
- Для дела. Старые связи, то-се. Мало ли в чем раньше ваш брат мог завязнуть, а до разборок дошло только сейчас.
- Мне кажется, это исключено.
- Почему вдруг?
- Любой, кто приходит в «Каскад», тщательно проверяется, не тянется ли за ним хвост неблагоприятных поступков и дел. В концерне есть специальная служба.
- Наступила пауза.
- Разрешите нескромный вопрос?
- Пожалуйста.
- Возможно, проверяющие были снисходительны, когда изучали биографию родного брата одного из директоров фирмы-концерна.
- Ну что вы! У нас организация совершенно нового типа. Никакого кумовства, карьера делается только по результатам работы.
- Хорошо. Предположим, в прежней трудовой деятельности вашего Олега все в порядке. Чем он занимался в вашей фирме?
- Низшая ступень!
- Колобов красноречиво развел руками – никакого, мол, блата.
- Уборщик, значит?
- Ну почему? – обиделся Колобов. – Охрана и сопровождение грузов.
- Он подготовленный человек? В смысле боевых навыков?
- Стреляет как любитель, но прилично. Борец, водитель. Все, что требуется.
- Но не экономист?

- Нет.
- Проживал с вами?
- Нет. Я снимал ему квартиру.
- А что, он сам не в состоянии?
- Почему? Просто в данном случае фирма берет на себя добрую половину расходов.
- Гуманно! – оценил Яковлев.
- Нормально, – уточнил гость. – Если фирма заинтересована в сотруднике, она всегда пойдет на некоторые расходы, чтобы удержать его у себя.
- Все понял, – сказал подполковник.

Он попросил Колобова написать официальное заявление, и тот охотно внес в соответствующий бланк все необходимые сведения о пропавшем брате, а также изложил свою просьбу о его розыске.

Договорились, что на следующий день Яковлев осмотрит квартиру, которую снимал пропавший Олег Колобов.

2

Заместитель Генерального прокурора России государственный советник юстиции первого класса Константин Дмитриевич Меркулов беседовал у себя в кабинете со старшим следователем по особо важным делам Турецким. В это время его секретарша Клавоchка всякому входящему в «предбанник» посетителю делала страшные глаза и шепотом сообщала, что шеф занят, идет важное совещание.

– Ну вот, Саша, – смачно прихлебывая чай, заметил Меркулов, – и чай хорош, и служба неплохо идет.

– Да уж, – перебил его Турецкий. – Хорошо нам теперь служится, легко. Лови себе Васю Лапу да Костю Питерского!..

– Не Питерский я! – мрачновато уточнил Меркулов. – А вот ты, если думаешь, что на пенсии будешь отдыхать, преследуя солнцевских и прочих бандитов, ошибаешься. Я пригласил тебя для того, чтобы сообщить, так сказать, пренеприятное известие...

– Какое? У нас будет новый генеральный? – улыбнулся Турецкий.

– А чем тебе старый плох?

– Да ничем. Ты меня не трогай – я тебя не трону.

– Зря так думаешь, – заметил Меркулов, с прищуром взглянув на собеседника. – Нечего тебе было так лихо дела раскрывать. Глядишь, о тебе бы и не вспомнили. Неужели ты думаешь, что я так стосковался по твоей ехидной физиономии, что стал бы тебя вызывать среди бела дня чаи гонять? Я разговариваю с тобой по просьбе генерального.

– И чего он от меня хочет? – посерьезнел Турецкий.

– Генеральный усомнился в том, что гибель продюсера Иванова – нелепая случайность.

– Какого Иванова? Половина России – Ивановы, – съязвил Турецкий.

– Ладно, не ерничай. Телекомпанию «Спектр» знаешь?

– Смотрю иногда из чувства мазохизма. Очень уж они любят все власти дрючить, кроме, разумеется, четвертой, – отмахнулся Турецкий.

– Однако, Саша, они не мазохисты. Так вот, недавно руководитель этой телекомпании Юрий Иванов попал в автокатастрофу и погиб.

– И что же? Генеральный сомневается, что это Божий промысел? – насторожился Турецкий.

– Очень даже сомневается, Саша.

– А кроме генерального в этом кто-нибудь сомневается? Например, родственники, друзья погибшего?

– Представь себе, что больше никто в этом не сомневается.

– Что же смутило нашего патрона? – спросил Турецкий, сменив ироничный тон на деловой.

– Ну, во-первых, погибший пользовался благосклонностью самого Президента, что и подвигло генерального поинтересоваться обстоятельствами гибели знаменитого продюсера. Во-вторых, нарофоминский следователь капитан Жуков, выезжавший на место происшествия, установил, что тело Иванова слишком сильно обуглилось, хотя по характеру аварии автомобиль не должен был сам по себе так сильно гореть.

– Резонно, – кивнул Турецкий. – А экспертиза что показала?

– Наличие в крови погибшего алкоголя, – задумчиво произнес Меркулов.

– И все? – удивился Турецкий.

– В том-то и дело, Саша, – развел руками Меркулов. – Этот капитан Жуков, видимо, хотел поскорее спихнуть это дело и наделал массу ошибок: он не присутствовал в морге на вскрытии, не поинтересовался, сравнивали ли эксперты прежние медицинские документы Иванова с показаниями, которые были получены после исследования трупа. Словом, маху дал этот нарофоминский следователь. А кашу расхлебывать придется тебе, Саша. Кроме того, место аварии выбрано, скажем так, крайне неудачно.

– Не понял? – удивленно взглянул на Меркулова Турецкий.

– Сейчас поймешь. Дело в том, что я по просьбе шефа поднял кое-какую статистику. Оказывается, на этом участке шоссе аварии случаются крайне редко, а если и случаются, то не приводят к таким последствиям.

Турецкий посмотрел на друга с грустью.

– Значит, Костя, ты всучаешь мне это наверняка глухое дело и ты же потом будешь грызть мне холку, если окажется, что все в этом деле пропахло тухлой политикой?

– Вероятно, да.

– Ну что ж, спасибо хотя бы за то, что не пытаешься подсластить пилюлю. А ведь погиб-то представитель средств массовой информации и пропаганды...

– Пропаганду, Саша, отменили, – тихо возразил Меркулов.

– Я так не считаю. Отменили только на словах... все эти журналюги будут стоять над душой, пока не выпотрошат из тебя подробности расследования. Причем не дай Бог нечаянно им нагрубить, когда особенно досаждают начнут!..

– Выкрутишься, Саша. Тебе же не двадцать!

– А я, Костя, как старая дева: с возрастом становлюсь ранимее.

– Не прибедайся! О твоих кулуарных подвигах легенды в прокуратуре ходят!..

– Какой ты, Костя, стал железный. В жилетку тебе не поплачешься, совета не попросишь!

– Ладно уж, прости.

– Как думаешь, чем это дело больше пахнет – политикой или деньгами?

– Саша, ты и сам прекрасно знаешь, что одно с другим тесно связано. Начнешь с политики, дойдешь до любимого тобой Кости Питерского, у которого, как ни странно, под крышей какой-нибудь высокий чиновник. И наоборот: возьмешь за хобот солнцевского султана Махмуда, а за него какой-нибудь спикер так вступится с высокой трибуны, что устанешь объясниловки писать.

– Что ж, будем выяснять, где покойный больше всего наследил. У тебя нет таких сведений?

– Есть, но весьма туманные. В свое время этот Юрий Иванов и его студия «Спектр» хорошо проявили себя во время выборов Президента.

– А хорошо – это как? – иронично улыбнулся Турецкий.

– Много было шума, много денег ушло на предвыборную кампанию, все прошло, а Президент остался, – в тон ему ответил Меркулов.

3

Колобов предложил Яковлеву поехать для осмотра квартиры пропавшего брата на своем «мерседесе».

– Вообще-то МУР хорошо укомплектован. У меня есть свой «форд», – не без гордости заметил сыскарь, но предложение Колобова принял.

– А с нами разве больше никто не поедет? – поинтересовался Колобов.

– Осмотр носит официальный характер, но пока это материал для проверки, но не для следствия. Если понадобится, то следственное дело по данному случаю будет возбуждено, – уточнил Яковлев.

Перед самой дверью квартиры Колобов неожиданно сказал:

– Извините за возможный беспорядок в квартире, товарищ подполковник. Олег – холостяк.

– О чем вы говорите, Сергей Васильевич, – успокоил его Яковлев. – Только сначала войти надо...

– С этим проблем не будет, – кивнул Колобов и достал ключи.

– Не доверяли братцу? – поинтересовался Яковлев.

– Почему же? Просто такое правило. Квартира же не его. Это, скорее, комфортабельное общежитие.

Владимир Михайлович уважительно кивнул: видно, мол, фирму по полету.

Дверь была обычная: без дополнительной решетки, без брони и сигнализации. «Пожалуй, и в самом деле Олег Колобов не был особо ценной фигурой ни для фирмы «Каскад», ни для концерна «Кононг», ни для возможных недоброжелателей или конкурентов», – отметил про себя Яковлев.

Но все в этом мире относительно. Квартира, которую занимал не самый значительный сотрудник фирмы, была роскошно обставлена и снабжена спутниковой связью. Правда, порядок в ней был как раз такой, о котором предупреждал Колобов. Жилище представляло собой заполненную хламом, пустыми бутылками и аудио-видеоаппаратурой берлогу славянина-холостяка без аристократических привычек и денег на прислугу.

– Вот видите... – заметил вполголоса Сергей.

– Это ничего. В этом бардаке есть утешительный момент.

– То есть?

– Грубо говоря, это означает, что ваш братец не попал в лапы жестокосердных профессионалов, которые после выноса тела оставляют в квартире идеальный порядок. Кстати, вы были здесь после того, как обнаружили исчезновение... э-э... Олега Васильевича?

– Да, конечно. Я должен был узнать, почему он не явился на службу.

– Как у вас с памятью?

– Пока не жалуюсь, а что?

– Посмотрите внимательно, не изменилось ли что-нибудь со времени последнего вашего прихода сюда. Может, что-то лежит не так или вообще пропало...

– А, понял!

Пока Колобов с глубокомысленным видом изучал оставленный в квартире бардак, Яковлев прошелся туда-сюда по квартире, приглядываясь, а иногда даже принимаясь. На кухне в мойке из нержавейки стояли два бокала с остатками желтоватого напитка. Хищно раздув ноздри, он втянул носом застарелый запах шампанского. «Значит, – прикинул он, – шерше ля фам. Два мужика не станут оскорблять свои утробы слабенькой шипучкой из хрупких бокалов. Не будут также использовать в качестве закуски шоколад. Вон фольга от него валяется прямо

на столе. По всему видать, девица не из домовитых и хозяйственных, которую затем хочется взять в жены. Вот и след от помады на одном из бокалов. Слава Богу, пятен крови нигде нет».

Яковлев вошел в гостиную.

Колобов стоял посреди комнаты и шарил взглядом по мебели, но без энтузиазма.

– Как успехи, Сергей Васильевич?

Тот пожал плечами.

– Знаете, однозначно трудно сказать. У Олежки куча всякого тряпья, шмотки – его слабость. Но, кажется, так все и было, когда я его хватился...

– Ценности? Дорогая одежда? Аппаратура?

– Ценностями он еще на начал увлекаться, – улыбнулся Колобов. – В соболях не ходил, магнитофоны, кажется, на месте.

– Оружие?

– Откуда?

– Его работа, судя по всему, связана с определенным риском. Надеюсь, вы не будете мне рассказывать, что не добились разрешения хотя бы на газовые пистолеты?

– Не буду. Имеем разрешение, и не только на газовые. Но у нас, как и у вас, товарищ подполковник, оружие выдается только на время работы и сдается, когда работник отправляется домой.

– И все честно исполняют приказ руководства?

Колобов помолчал.

– Признаться, об этом не думал.

– Почему?

– Это слишком серьезное нарушение, за которым следует увольнение без всяких поблажек.

– А если человек попал в неприятную ситуацию и хочет выпутаться из нее самостоятельно? Мне кажется, вы не хотите рассказывать об увлечениях брата до того времени, как прибрали его к рукам.

– Да, – мрачно признался Колобов. – Потому что Олег болтался в «быках» у Коли Сливовского, пока я не вытащил его оттуда. Слыхали о таком?

– Отчего же нет? Кличка – Скользкий. Воюет с чеченами за контроль над «Палас-отелем».

– Да, МУР есть МУР! – с неподдельным уважением заметил Колобов и предложил: – Если у вас есть еще немного времени, подскочим в офис, уточним, сдал ли Олег оружие?

– Поехали, – согласился Яковлев.

4

Ангелина Иванова, шеф редакции политических программ студии «Спектр», выглядела моложе своих сорока двух лет, причем совсем не было заметно, каких усилий ей это стоит. Одета она была, как и все в телекиношной тусовке: с изящной небрежностью, но дорого. Лишь узкая полоска черной косынки поверх лба напоминала о том, что дама в трауре.

Строгая меблировка офиса и неудобные, с прямыми жесткими спинками стулья для посетителей намекали на то, что хозяйка кабинета не склонна к праздным разглагольствованиям. Тем не менее Турецкий все же сначала выразил соболезнования начальствующей вдове.

Та сухо поблагодарила.

– Позвольте узнать, – спросила она, – чем вызван ваш интерес к этому происшествию? Насколько мне известно, никто не оспаривал заключения ГАИ о несчастном случае.

Турецкий к такому вопросу не был готов. Пришлось мямлить старшему следователю по особо важным делам:

– Видите ли, Ангелина...

– Все зовут меня просто – Ангелина.

– А как же субординация?

– Путем правильного употребления местоимений «ты» и «вы», – уточнила она.

– Вас понял, – кивнул Турецкий. – Дело в том, что выводы Нарофоминской прокуратуры и областной ГАИ носят, скажем так, предварительный характер. Эти выводы пока никем не оспорены и потому остаются в силе.

– Почему – пока? – насторожилась вдова.

– Кое-кто сомневается, что имел место несчастный случай, – таинственно заметил Турецкий.

– Кое-кто? – хмыкнула Иванова. В голосе ее явно прозвучал скепсис: следователь, дескать, по особо важным делам – и толком не знает расследуемого дела.

– Вы проницательный человек. Неужели вы думаете, что Генеральная прокуратура заинтересуется рядовым дорожно-транспортным происшествием?! – с не меньшей долей скепсиса заметил Александр Борисович.

– Что же в этом деле нетипичного, не рядового, кроме одной жертвы? – вскинула брови Иванова.

– Все, – многозначительно изрек Турецкий.

Он не спускал глаз с Ангелины. Если она знает о смерти своего мужа больше, чем написано в постановлении об отказе в возбуждении уголовного дела, полагал следователь, то, может быть, ей не удастся этого скрыть. Вдова, в свою очередь, смотрела на него с неким досадным удивлением. Она взяла со стола пачку сигарет и достала одну, коричневую и длинную, как тростинка.

– Александр Борисович, зачем вы напускаете тумана? Отнимаете мое время и свое тоже. Я только-только пришла в себя, вошла в рабочий ритм. А вы являетесь и начинаете говорить загадками!

– Ну отчего же загадками, – улыбнулся Турецкий. – Генеральный прокурор сомневается в нелепой случайности этой трагедии. А моя скромная обязанность – проверить обоснованность его сомнений.

Ангелина усмехнулась и затянулась сигаретой.

– Если бы это не звучало кощунственно, я сказала бы, что наконец Юра добился желаемого веса в обществе сильных мира сего!

– По-моему, в последнее время ваша компания не страдала от невнимания властей. Не прежний ли генпрокурор был столь к вам внимателен, что наслал на вас следователей? – поинтересовался Турецкий.

– А-а, вы об этом? Никому не пожелаю такого внимания! Хорошо, хоть оборудование не арестовали! В его стоимости половина денег – наши личные сбережения. Форма собственности – акционерное общество закрытого типа, поэтому никто не помог нам подняться!

– Но, как мне сказали, на последних президентских выборах ваш муж поставил на верную лошадку...

– Да. Благодаря этому теперь не приходится обивать пороги чиновников, сами звонят и предлагают помощь. Юра все сделал для своей фирмы. Все, что мог. Но такая уж у него несчастная карма: ушел как раз тогда, когда его мечта исполнилась...

Вдова опустила глаза.

Ангелина ошиблась, употребив замысловатое словцо. Турецкий как раз очень даже хорошо представлял себе, что такое карма и вообще восточная религия. К тому же многолетний опыт следственной работы подсказывал ему, что умышленное убийство редко бывает связано с буддизмом, особенно в европейском регионе.

– Вы предполагаете вмешательство сверхъестественных сил? – после небольшой паузы спросил он. – Вы правы лишь в том случае, если у вашего мужа не было врагов.

– Вот как? Любопытно! – насторожилась Ангелина.

– Дело в том, – продолжал Турецкий, – что автокатастрофа произошла на таком участке дороги, где она в принципе не могла случиться.

– И только на этом основаны сомнения генерального прокурора? – удивилась Ангелина.

– Когда речь идет о продюсере телекомпании, которой заинтересовался сам Президент, этого вполне достаточно. Поэтому, чтобы не отвлекать больше вашего внимания, я задаю вам, Ангелина, лишь один вопрос: если бы вы сами сомневались в случайности этой смерти, кого бы стали подозревать в первую очередь?

– Никого, – отрезала Ангелина.

– Ну не надо так спешить. Я попробую вам помочь ответить на этот вопрос. Например, коллеги-конкуренты вполне могли бы претендовать на роль подозреваемых. Ведь кое-кого из них вы выбили из эфира.

– Да нет же. Выбить-то выбили, но не так глобально, как нам хотелось бы.

– Хорошо. Допустим. Тогда, может быть, политические мотивы? – как бы размышлял вслух Турецкий.

– А вот это уж совершенно точно – нет. Мы работаем вне каких-либо политических пристрастий, – уверенно заявила Ангелина.

– Тогда остаются деньги, – сделал вывод Турецкий.

К его удивлению, Ангелина не стала возражать. Она задумалась, изучающим взглядом посмотрела на следователя и лишь потом сказала:

– Вы лишаете меня возможности уснуть сегодня ночью, Александр Борисович. Я совсем забыла...

Она вновь замолчала. Турецкий решил не торопить ее, хотя его так и подмывало это сделать.

– Если ваши сомнения не с потолка взяты, то я вам должна сообщить, Александр Борисович, что у Юры действительно был денежный спор с одной фирмой...

– Вы помните название этой фирмы? – оживился Турецкий.

– Как ни странно, запомнила. Фирма «Каскад». Там какие-то бывшие военные преуспевают на коммерческой ниве.

– Так-так! И каков же был характер личных отношений вашего мужа с сотрудниками этого «Каскада»?

– Личных финансовых отношений у Юры с ними не было. Это точно. Он весь принадлежал делу! – чуть ли не воскликнула Ангелина.

Ее пафос несколько утомил Турецкого, но он не стал комментировать сей эмоциональный пассаж, а спокойно спросил:

– А с концерном «Кононг», дочерним предприятием которого является фирма «Каскад», у вашего мужа были какие-нибудь сношения?

По игривому взгляду Ангелины следователь догадался, что в слове «сношение» эта женщина улавливает лишь один смысл.

– Пока Юра был жив, я не касалась финансовой стороны дела. С этим концерном, как его... «Кононг», кажется, у него были какие-то недоразумения в расчетах за рекламу, но я твердо не могу вспомнить, какие именно, – сказала она, слегка потупив взгляд.

Из беседы с Ангелиной Турецкий вынес совершенно четкое ощущение: сомнения генпрокурора не лишены оснований. Он также понял, что Ангелина – крепкий орешек и поработать с ней придется крепко. Эта Ангелина явно что-то утаивала от следствия.

5

Грязнов заехал на своем «мерседесе» в следственную часть за Турецким. Они договорились съездить сегодня на кладбище, посетить могилу их верного товарища, с которым они начинали работать еще двадцать лет назад.

Грязнов оценивающе взглянул на друга. Роскошный коричневый свитер, черные джинсы, желтые импортные ботинки и вызывающе строгий ежик волос на голове придавали Турецкому особый суперменистый вид. Правда, все, кроме прически, было с налетом некоторой небрежности: из-под одного рукава свитера торчал весьма потертый манжет рубашки, шнурки на ботинках были завязаны крайне неаккуратно. Тем не менее все это, как ни странно, придавало сорокалетнему самбисту даже некий шарм.

– Что уставился? – спросил Турецкий. – Плохо выгляжу?

– Да нет, Саня, я смотрю на тебя с восхищением. Человек, обладающий таким ростом и телосложением, мог бы обойтись и без умной головы, а у тебя и это есть. Здорово! – похвалил друга Грязнов.

– Ладно, Слава, не льсти. Наверное, я опять тряпки не в цвет подобрал. Ну да черт с ними. Поехали!

Турецкий уселся рядом с водителем. Грязнов плавно тронулся с места, но через минуту уже летел, превышая все дозволенные в городе скорости.

– Сначала за цветами на рынок рули, – посоветовал Турецкий.

Грязнов хмыкнул и, не оборачиваясь, достал с заднего сиденья букет хризантем.

– Нюх потерял, что ли? – спросил он с некоторой укоризной.

– А, не говори, с этим Меркуловым не только нюха лишишься! – пожаловался Турецкий.

– Что опять такое? – озабоченно спросил Грязнов.

– Да вот одно дело на меня вешает, а у меня большое подозрение, что гнилое оно сверху донизу!..

Турецкий вкратце поведал другу об автокатастрофе, которая вызвала сомнение у генерального прокурора, не исключаяющего убийство, закончив свой рассказ выводом:

– Подозреваю, все дело здесь в деньгах. И сама вдова как бы невзначай науськивает.

– На кого-нибудь конкретно? – поинтересовался Грязнов.

– Да, концерн тут есть один, называется «Кононг», а у него дочернее предприятие – фирма «Каскад». Понятия не имею, кто такие, знаю только, что они офицеры запаса из нашей бывшей ЗГВ. Вот пока и вся информация, – вздохнул Турецкий.

– Все правильно! Заважничал ты, Саня, мало советуешься с друзьями, со скромными пахарями МУРа! – весело заявил Грязнов.

– Это ты-то – скромный пахарь МУРа? – съязвил Турецкий, состроив ехидную мину. – Ну допустим, я посоветовался. И что?

– А то, что наш общий приятель Федоров, перешедший из Совета безопасности, снова в МВД. Так вот, позвонил он мне недавно из своего главка и попросил разобраться в одном оперативном деле. Оно, кстати, тоже представляется мне гнилым от головы до хвоста. Но заявитель, как видишь, оказался очень крутой. Такого большого начальника околдовал!..

– Врешь небось? – притворно-небрежно отреагировал Турецкий.

– Чего мне врать. Сам спроси у Юрки Федорова, какой ему интерес форсировать такое глухое и тупое дело, как пропажа без вести столь крупного мужика, каким является некий охранник Олег Колобов, – слегка ерничая, продолжал Грязнов. – Слышал эту фамилию?

– Представляешь, Слава, слышал, и совсем недавно.

– Вот-вот, хорошо, что слышал. А объект нюхал? – Грязнов весело и даже дерзко взглянул на друга.

– Ты лучше на дорогу, Слава, смотри. Подожди про них, а лучше объясни, что к чему?

– А что тут объяснять? Есть на свете такая фирма «Каскад», дочернее предприятие концерна «Кононг». Так вот, этот «Каскад» возглавляет Сергей Колобов.

– Не врешь? – вновь подстегнул начальника МУРа Турецкий.

– Да конь тебя понюхал, Саня! С ним Володя Яковлев начал работать. Да и пришел он к нам по просьбе того же Федорова. Как появились на моем горизонте эти бывшие военные из «Каскада» и «Кононга», так мы с Яковлевым и тащим их по ведомостям и платежкам. Вынюхиваем, к чему прицепиться, хотя занятие это не наше, а РУОПа. Думали, бухгалтеры-реvisоры помогут. Ан нет! Вся бухгалтерия у них в образцовом порядке. Вот какие пироги.

– Весьма любопытно, – хмыкнул Турецкий. – Но самое смешное, пан Грязнов, что денежки телепрограммы «Спектр», которую возглавлял Иванов, растут из бабок концерна «Кононг». Беда лишь в том, что никто ничего доказать не может. Госпожа Иванова убеждает меня, что никаких финансовых бумаг не подписывала. Получается, что ее ограбили залетные воры. По всему, вдова должна была подать заявление в милицию, что против ее воли некто попробовал по фальшивой доверенности получить со счета деньги, накопленные непомерным трудом на ниве телевидения. Но, с точки зрения элементарной логики, подобные заявления должны подкрепляться документами, которых у Ангелины либо нет, либо она не хочет их показывать.

– Я, Александр Борисович, с этого момента прослеживаю четкую связь между твоим следственным делом и нашим оперативным, – с некоторой даже важностью заметил Грязнов.

– А что это за дело вам Федоров подсунил? – с трудом сдерживая нетерпение, спросил Турецкий.

– Изучаем факт исчезновения бывшего бандита, а до недавнего времени охранника фирмы «Каскад» Олега Колобова.

– Это уже интересно, – буркнул Турецкий.

– Я рад, что тебе понравилось.

– Что же, будем искать связь между гибелью Иванова, неожиданным исчезновением Олега Колобова и поведением Ангелины, которая действительно ведет себя очень странно. Заодно надо выяснить, что за любовь такая между телекомпанией «Спектр» и фирмой «Каскад» вместе с «Кононгом». Пока, Слава, я за то, чтобы избегать скоропалительных выводов.

– Сергей Колобов всерьез озабочен пропажей брата, – после паузы продолжил Грязнов, мастерски лавируя в потоке автомобилей. – Володя Яковлев его недавно опросил, потом они съездили на квартиру, которую снимал Олег. После он привез Володю в свою фирму и сообщил, что Олегу выдавалось оружие, но он его, как положено, сдал в оружейку. Володя сказал мне, что коллеги Колобова кривились, когда увидели, что он мента привел. Но ему было плевать на это. Такое поведение говорит о том, что это для него настоящая трагедия.

– А может быть, Слава, этого Олега Колобова тихо ушли на тот свет, чтобы не путался под ногами?

Грязнов с минуту помедлил и бодро выпалил:

– Ну что ж, меркуловский птенец, подтверждаешь квалификацию! Этот вариант вполне может иметь место.

Грязнов вырулил на стоянку перед воротами кладбища и, как законопослушный гражданин, припарковал машину на свободное место. Кругом стояли почти одни иномарки.

– «Новые русские» – на старом кладбище, – заметил Турецкий.

– Лично я, Саня, хоть и покрутился в их среде, но до сих пор не перенял привычек и манер «надежды новой России», – с грустной улыбкой сказал Грязнов.

Друзья долго шли по дорожке. Вокруг высилось много дорогостоящих памятников. Да, привилегия быть похороненным на кладбище доступна сейчас далеко не всем смертным, подумал Турецкий. Ему в какой-то момент показалось, что именитые покойники с трудом держат

на себе эти мраморные и гранитные глыбы. Точно так же при жизни они ценой невероятных усилий боролись за свой вес в обществе.

На могиле генерал-майора милиции, бывшей начальницы МУРа Александры Романовой был поставлен скромный памятник.

– Смотри, Слава, – указал Турецкий на букет еще совсем свежих цветов, прислоненный чьей-то благодарной рукой к серому граниту памятника. – Родных у Шуры не осталось, так распорядилась жестокая судьба, таков оказался удел бескомпромиссной Шуры... Наверное, навестил ее могилу кто-то из наших, а может, престарелый урка заглянул – ведь урки уважали ее.

Друзья посидели на скамеечке, помянули Шуру и собрались уходить.

– Кстати, – вспомнил Турецкий. – Тут, на Ваганьковском, недалеко и Юрий Иванов покоится. Зайдем?

– Рассчитываешь, что усопший нашепчет тебе, как папаша принца Гамлета сыну, кто ему такую подлянку с машиной учинил? – с грустной улыбкой спросил Грязнов.

– Нашептать не нашепчет, а все-таки...

Они прошли еще два ряда могил, к тому месту, где кладбищенская ограда была разобрана – кладбище расширяли.

Песок на могиле Юрия Иванова уже начал темнеть, венки пожухли. Возле земляного холмика стояла женщина в черном платке.

– Жена, что ли? – вполголоса спросил Грязнов.

Турецкий присмотрелся и мотнул головой:

– Нет, это не Ангелина.

– А кто же? Может, любовница?

– Старовата для любовницы.

Женщина встревоженно оглянулась, словно слышала их разговор. Она бросила на них мимолетный взгляд и быстро пошла прочь по боковой аллее.

Глава вторая

1

Аляповато и нагло торчало на Тверской-Ямской здание «Палас-отеля». Около его парадного подъезда парковались великолепные иномарки, которые мозолили глаза не только безлошадным москвичам, но и людям посерьезнее. По ночам все чаще и чаще эти дорогие сверкающие заморские игрушки на колесах стали пропадать. Не все, конечно, а те, что подороже.

Лишь только поступал сигнал, служба ГАИ, как водится, исправно принимала меры: включала систему «Сирена». Когда обнаглевшие воры угоняли автомобили у важных иностранных гостей, к розыску в обязательном порядке подключали уголовный розыск.

Старший лейтенант Никита Бодров получил задание найти похитителей иномарок и со всем рвением дебютанта принялся за дело. Никита был прирожденный сыскарь, и отсутствие опыта ему успешно заменяла интуиция. Да и в теории он был силен. Ко всем его достоинствам можно было бы приплюсовать и свободу от брачных уз. В отличие от своих старших товарищей Никита не думал на работе о доме. Свою службу он искренне любил и гордился своей принадлежностью к МУРу.

Энтузиазм он считал важнейшим условием успеха любого дела. Вот и на сей раз, несмотря на глубокую ночь, он сам посадил себя в засаду недалеко от припаркованных иномарок. Никита не особенно рассчитывал на быстрый успех, осуществляя, по сути, любительское оперативно-розыскное мероприятие. Но для него это было приятнее, чем, например, сидеть и скучать дома перед телевизором.

Престижный отель – не ночной клуб, не забегаловка. Здесь все серьезно и респектабельно. По этой простой причине Никита не наглед, не лез в ресторан нахрапом, как подгулявший бизнесмен.

Засаду возле этого отеля он устраивал уже в третий раз. Первые два «дежурства» прошли безрезультатно: и Никита ничего подозрительного не заметил, и его самого никто не потревожил. В глубине души он надеялся, что Бог любит троицу и на сей раз что-нибудь да произойдет.

На улице было тихо и безлюдно. Проститутки еще до полуночи перекочевали ближе к «Интуристу». Редкие прохожие, покачиваясь, проходили мимо. В переулке в мусорном баке кто-то шумно рылся: то ли бомж, то ли брошенный хозяевами пес.

Ночь шла на убыль, и Бодрову уже расхотелось спать.

Подкатил роскошный «мерседес». Из него вылез высокий кавказец в длинном пальто. Гордо, по-хозяйски прошел в дверь отеля. Охранник его радостно приветствовал. Никита узнал этого человека. О нем его проинформировал Яковлев. Кавказец поставлял девочек скучающим иностранцам. Хорошо устроился, подумал Никита, провожая взглядом сутенера. Где-где, а в «Паласе» не нарвешься на уголовных беспредельщиков, которые норовят не только не платить, но еще и поглумиться над проститутками и их котом-смотрителем.

Никите надо было как-то войти в контакт с этим человеком, чтобы через него поговорить с его подопечными девочками. Проститутки обязательно должны что-то знать. Бодрову нравилась собственная версия: девушки определяют, какую машину брать, и сообщают об этом угонщикам. Ведь в отеле останавливаются и такие люди, чьи автомобили угонять, как говорится, себе дороже, а не на всех тачках написано, кому они принадлежат.

Высокая стеклянная, но, как казалось, невесомая дверь отеля вновь открылась. На крыльцо вместе с сутенером вышли женщина и охранник. Никита напрягся, гадая, увезет кавказец девушку или нет. Обычно сутенер уезжает под утро, а девочек привозит его ассистент.

Кавказец стал прощаться с девицей, подхватил ее под затянутые в джинсы ягодицы, поднял и смачно поцеловал.

– До завтра! – бросила девица на прощание.

Судя по голосу, она была еще совсем молодая. Никита тихонько пошел за ней. Он не беспокоился, что сутенер или охранник его заметят – оба они быстро скрылись за дверью. То ли их ждала хорошая выпивка, то ли игра на интерес.

Девушка быстро дошла до Тверской и тут буквально столкнулась с двумя подвыпившими парнями.

– О-о, какой лапусик! – радостно воскликнул один из них, загораживая девушке дорогу.

Та хотела обойти нахала, но ему на помощь пришел товарищ.

– Куда же вы, красавица? – жеманно поинтересовался он.

– Домой, – отрезала девица.

– А может, с нами?

– Отстаньте! – громко сказала она.

– Ладно, мы вас проводим до дому, – примиряюще пообещал один.

– Я же вам сказала, что не нуждаюсь в вашей помощи! – срывающимся голосом воскликнула девушка.

– А че ты грубишь? – резко перейдя на «ты», сердито спросил кто-то из них. – Мы к тебе по-человечески!..

– Вот и я вам человеческим языком объясняю, что обойдусь без вас!

– Нет! Ты с нами пойдешь!

– Куда это?

– В клуб «Карусель!»

– «Карусель»? А бабки у вас есть?

– У нас не хватит – ты добавишь.

– Это вы здорово придумали! – притворно восхитилась девушка. – Я вам что, спонсор?

– Ну-ну, кошелка! Небось передком по тыще баксов за смену наколачиваешь!

– Не ваше дело! Ну-ка пустите!..

Оттолкнув одного из парней, девушка хотела было уйти, но оба одновременно схватили ее под руки.

– Пойдешь с нами!

Никита рывком подскочил к троице:

– Эй, ребята!

Парни оглянулись и чуть ослабили хватку.

Девушка, резко повернувшись, освободилась от захвата, но – странное дело – не стала убегать. Она отошла в сторону и остановилась.

Щупловатый, не очень рослый Никита, к тому же одетый довольно простенько, не произвел впечатления на подвыпивших молодых людей.

– Ты откуда взялся, выродок? – с веселым удивлением спросил один.

– Вообще-то это моя девушка, ребята, – спокойно ответил Никита.

– Была твоя – станет наша! – загоготал второй. – Может, и вправду твоя, вишь, стоит, не уходит. Но я думаю, тебе ее не видать!

– Это почему же?

Парень достал из кармана нож-«бабочку» и, крутанув в ладони, раскрыл лезвие.

– Вот сейчас отчищаем у тебя то, за что девки ребят любят, и пойдешь в пидоры!

Что ж, отлично: теперь угроза жизни и здоровью стала явной. Наконец-то буква закона, к которому пока еще трепетно относился Никита, позволяла перейти к активным действиям. Не дожидаясь опасных выпадов, он встречным ударом напряженных ладоней сломал в локте руку, державшую нож. Не останавливаясь, Никита рубанул ребром ладони в

кадык второго противника, сбитого с толку неожиданным и пугающим воплем приятеля. После чего быстро подхватил растерянную девушку под руку и увлек в боковую улицу.

– Куда мы? – пролепетала она.

– Куда скажешь. А пока – подальше от них, может, у пареньков приятели неподалеку.

– А кто ты? – спросила девушка.

Он представился: Никита Бодров – брокер Межбанковской валютной биржи. А сам подумал: ой, наверное, не похож я даже на дворника!..

Но девушка, кажется, поверила и тоже представилась:

– Меня Люда зовут. Работаю горничной в «Палас-отеле».

Теперь это так называется, подумал весело Бодров. Он был доволен – третья ночь принесла-таки результат.

2

Утром Меркулов пригласил Турецкого в свой кабинет. На столе дымились две чашки ароматного чая.

– Попьем чайку да поговорим, Саша, – сказал Меркулов, придвинув чашку ближе к следователю.

– Что за вопрос, Костя? – прямо спросил Турецкий.

– У нас с тобой сейчас один вопрос: дело Иванова, – улыбнулся Меркулов. – Ты пей чай-то, а то остынет.

– Скажи, Костя, генеральный никак не проболтался насчет того, что смутило его в гибели Иванова? – отхлебнув из чашки, спросил Турецкий.

– Я так и знал, что ты мне задашь этот вопрос, и, разумеется, уже подготовил ответ. Ты же знаешь, генеральный впрямую ничего не говорит...

– А вкривую, – хмыкнул следователь, – намеками, недомолвками?

– Вот из этих недомолвок и намеков я составил примерно такую картинку: возглавляемый Ивановым «Спектр» здорово помог Президенту на последних выборах. Хотел этого Президент или нет, но факт есть факт. Странно другое: Президент совсем не интересовался этой телекомпанией, что совершенно нелогично.

– А как же разговоры о том, что «Спектр» более-менее раскрутился только после выборов? – перебил Турецкий.

– Думаю, чиновники таким образом просто подстраховывались, – задумчиво произнес Меркулов.

– Вам наверно виднее, – пожал плечами Турецкий.

– Не ерничай! В ту пору, когда начали поговаривать об операции Президента, он сам очень интересовался, что это за новая телекомпания такая, да кто им денежки дал, да какие у них творческие планы. Вот какие моменты, Саша, проскользнули в моей приватной беседе с генеральным, – хлопнул ладонью по столу Меркулов.

– Но, извини, Костя, это все, как говорится, дела давно минувших дней, – заметил Турецкий.

– Такими фигурами, как Иванов, интересуются лишь тогда, когда ждут от них либо пакости, либо помощи. Все-таки четвертая власть! Мне совершенно ясно, что наверху трагическим случаем с Ивановым весьма озабочены. Но генеральный прокурор не знает, какого результата там ждут от расследования этого, как ты говоришь, гнилого дела. Не знает и волнуется, – сделал вывод Меркулов.

– А хоть какой-нибудь захудаленькой версии он от волнения нам не подкинул? – вновь взял ироничный тон Турецкий.

– Он предполагает, что все дело в деньгах, Саша.

– Генеральный не оригинален. Вдова Ангелина выдала мне такую же беспримысленную версию и даже кое на кого настучала: подсказала объект для пристального внимания следователей.

– А сам-то ты, Саша, как думаешь, подставляет она своих врагов или в самом деле кого-то подозревает?

– Я склонен думать, что подставляет... Есть факты.

– Ого, как безапелляционно! Поделишься этими фактами? – заинтересовался генерал.

– Отчего же не поделиться? Одно дело делаем. Ангелина подозревает, что ее муж мог пасть жертвой противоречий, возникших у телевизионной компании «Спектр» с концерном «Кононг» и его дочерним предприятием фирмой «Каскад».

– А это еще что за зверь? – насторожился Меркулов.

– Это, Костя, солидные фирмы. Чем только они не занимаются. Хлеб правда, не сеют, не жнут, но торгуют, грузы разные сопровождают, инвестиции вкладывают, лом цветных металлов за границу продают. И все с прибылью, и никакие солнцевские к ним не лезут.

– Отчего же у них так хорошо дела идут? – хмыкнул генерал. – Сейчас у всех море проблем...

– Оттого, Костя, что учредитель этих, скажем так, предприятий – Союз ветеранов ЗГВ. Правительство, естественно, дает им всякие льготы и так далее. Короче говоря, их трудно кому-либо свалить.

– Что они могли не поделить с этой телекомпанией? Хотя что-нибудь тебе об этом известно? – спросил Меркулов.

– К сожалению, пока нет.

– Тогда почему ты думаешь, что вдова Иванова не врет и действительно сводит счета с этими фирмами? – засомневался Меркулов.

– То, что она сводит счета, я просто не отрицаю. Утверждать пока рано.

– Кстати, Саша, кем работал этот парень, Олег Колобов, в «Каскаде»? – спросил Меркулов.

– Всего лишь охранником. Экспедировал грузы.

– С грузом пропал? – оживился Меркулов.

– Нет. Просто с выходного не вышел на службу. В общем, сейчас получу досье на Юрия Иванова и начну раскапывать эти фирмы.

– Нужна ли тебе следственная бригада? – осведомился Меркулов.

– Да помощников, Костя, у меня хоть отбавляй. Считай, что уже задействованы Грязнов с Яковлевым. Так что поработаем вместе с муровцами.

Турецкий вернулся в свой кабинет. Из факса торчал лист бумаги – досье на Юрия Иванова. Вначале перечислялись основные вехи пути провинциального таланта. Дальнейшая информация заинтересовала Турецкого. Он узнал, что после выборов инвесторы начали активно сотрудничать со «Спектром». Наиболее крупным кредитором стал концерн «Кононг», возглавляемый Ильясом Тураевым. Незадолго до своей гибели Иванов совместно с мэрией прорабатывал проект перерегистрации телеканала «Спектр» в официальный канал правительства Москвы.

Прочитав документ и отложив его в сторону, Турецкий подумал, что стоит покопаться в провинциальном прошлом погибшего продюсера. Возможно, он поддерживал нормальные отношения со своей первой женой и мог ей рассказать что-нибудь такое, о чем никогда не поведал бы своей столичной супруге Ангелине. Вспомнив впечатление от встречи с Ивановой, Турецкий подумал, что, скорее всего, Ангелина вышла замуж за преуспевающего карьериста, а не за Иванова-человека.

Он позвонил в Наро-Фоминск и попросил узнать адрес матери и первой жены Иванова. Потом решил попить чайку, но не успел. Резко и требовательно зазвонил телефон.

– Привет, старший советник юстиции! Правда, вам пора уже ходить в государственных советниках! – услышал он в трубке знакомый голос Грязнова.

– Здравствуй, дорогой полковник милиции, которому давно пора ходить в генералах, – искренне обрадовался Турецкий звонку друга.

– Как у вас со временем, господин следователь? – спросил Грязнов.

– Смотря что ты можешь предложить, шеф департамента угро, – в том же шутливом тоне ответил следователь.

– Пока могу предложить только одно: подъехал бы ты ко мне, Саня. У нас тут такое происходит, просто мистика и кошмар на улице Вязов.

– Не надо, ради Бога, никакой мистики, Слава. Говори, в чем дело? – отрезал Турецкий.

– К нам пожаловала вдова Иванова. Так как дело ведешь ты, считаю своим долгом доложить обстановку и жду твоих указаний на этот счет.

– Сообщи Ивановой, что по просьбе генерального прокурора я возбуждился уголовное дело. С этого момента Ангелина является свидетельницей по делу гибели продюсера Юрия Иванова. Допроси ее сам или поручи это сделать Володе. О результатах сообщи немедленно.

– Слушаюсь, господин «важняк». Рад был слышать твой голос, Саня!

– Взаимно, Слава, – ответил Турецкий и положил трубку.

3

Переговорив с Турецким, начальник МУРа позвонил Яковлеву и сказал:

– Володя, сейчас к тебе придет Ангелина Иванова. Я только что разговаривал с Турецким. Он возбуждился уголовное дело. Так что Ангелина теперь – свидетель по делу гибели своего мужа. Проведи официальный допрос свидетельницы по поручению следователя Турецкого. Все понял?

– Так точно, товарищ полковник! – отрапортовал Яковлев.

С первых минут общения Яковлев понял, что перед ним еще та штучка. Ангелина сразу же попыталась очаровать подполковника. Но, поняв, что муровца не проймешь, посерьезнела и устала на Яковлева изучающим взглядом. Сыскарь сообщил ей, что возбуждено уголовное дело и она теперь является свидетельницей. Ангелина совершенно спокойно выслушала эту информацию.

– Вы не любите носить военную форму? – еще стараясь сохранить доверительный тон, спросила она.

– Дело не в любви, – отрезал Яковлев и приступил к допросу: – Почему вы явились к нам без повестки? Что побудило вас к этому визиту?

Ангелина кивнула и, помедлив, заговорила:

– Сейчас я все расскажу, – начала она чуть нервным голосом. – Вам сейчас станет понятно, почему я здесь... извините, мне трудно сегодня даются слова... Так вот, три недели назад я своего мужа похоронила. Мне, конечно, помогли, все-таки не простой человек был. А сегодня... я поехала на кладбище цветы поставить и... – Вдова замолчала, вздохнула и поднесла платок к глазам.

Яковлев насмотрелся на всякие проявления эмоций, в том числе и на фальшивые. Но сейчас ему показалось, что вдова искренне расстроена.

– Что случилось? – как можно мягче спросил он.

– Сегодня ночью, по-видимому, его украли, – всхлипнула Ангелина.

– Что? Кого украли? – не понял сыскарь.

– Гроб с телом моего мужа украли! – пояснила вдова.

– С Ваганьковского кладбища украли гроб с покойным?! – еще более удивился Яковлев.

– А какая разница, с какого? – вскинула брови Ангелина.

– Разницы никакой нет, но на престижных кладбищах беспорядка все же поменьше, – уточнил Яковлев, набирая номер телефона Турецкого. Он сообщил следователю о новых обстоятельствах дела. Турецкий принял решение немедленно вместе с Ангелиной съездить на кладбище. Договорились, что Яковлев с Ангелиной заедут за ним в прокуратуру.

– Я на машине. Могу подбросить вас туда и обратно, – предложила Ангелина.

– «Новые русские» в последнее время почему-то думают, что МУР плохо укомплектован техникой, – хмыкнул подполковник. – Но раз предлагает женщина...

Турецкий, Яковлев и Ангелина долго шли мимо рядов могил с дорогими надгробиями. Правда, встречались и совершенно убогие могилки.

– Вы сообщили администрации кладбища о случившемся? – поинтересовался Турецкий, с прищуром взглянув на Ангелину. – Меня просто удивляет, что после такого случая все вокруг так спокойно...

– Нет, я никому об этом не сообщала, кроме вас... – после довольно длинной паузы ответила вдова.

– А что, у вас на это есть особые причины? – продолжал следователь.

– Не хочу всяких сплетен вокруг имени мужа, да и своего. Это, впрочем, несущественная причина, но все же...

– В таком случае незачем было вообще к нам обращаться. Я имею в виду Генпрокуратуру и МУР. Тем более что вы уже после этого происшествия узнали о том, что по делу гибели вашего мужа возбуждено уголовное дело, – заметил Яковлев.

– Удивительно, Ангелина! – чуть ли не вспыхнул Турецкий. – Неужели вы могли предположить, что МУР, который является подразделением Министерства внутренних дел, станет проводить расследование методами американских частных сыщиков? Словом, вам придется сегодня же написать заявление в Генпрокуратуру на мое имя. Я по нему возбуждаю уголовное дело, и машина заработает. Так что делитесь своими сомнениями и будем вместе думать, как лучше провести расследование.

– Видите ли, за время работы на телевидении муж завел много связей и знакомств. Как всегда бывает, во всяком бизнесе кто-то из знакомых переходит в друзья и надежные партнеры, другие – в стан недоброжелателей. Его при жизни уже публично клеймили, называли и жополизом, и политической проституткой. Многим не давала покоя растущая популярность нашей телекомпании. Если только кто-то из них узнает, что произошло, они же от нас камня на камне не оставят! Они резвее всех будут искать пропавший гроб, чтобы показать его по всем своим каналам. Такая реклама нам не нужна!

– Вас понял, – тоном согласившегося с ее доводами человека сказал Турецкий.

За очередным поворотом неширокой боковой тропинки открылся укромный уголок с четырьмя относительно свежими могилами, одна из которых действительно оказалась разрытой. Земля была разбросана во все стороны.

– Н-да, копали ночью, швыряли куда ни попадя, – заметил Яковлев и спросил: – Гражданка Иванова, а вы когда сюда приехали в первый раз? Сколько было времени?

– Да часов около десяти. А что?

– Что ж, все правильно, работали ночью... – кивнул подполковник.

Он огляделся по сторонам, потрогал толстую ветку березы, дотянувшуюся почти до самой разоренной могилы, и заметил:

– Здесь кора содрана. Скорей всего, фонарь висел.

Он заметил еще одну особенность, о которой пока не стал распространяться. Когда на свежую могилу нападают обычные мародеры, им совершенно наплевать на атрибуты похоронного обряда: крест, венки, цветы – все выдирается и разбрасывается без всякого почтения. В данном случае некто перед тем, как приступить к земляным работам в столь мрачном месте, снял могильные украшения и аккуратно прислонил их к ограде соседней могилы.

– Судя по кресту, вашего мужа хоронили по христианскому обряду? – полюбопытствовал Турецкий.

– Да, конечно.

– А не было ли, извините за бестактность, при теле каких-нибудь ценностей, дорогих предметов? Были ли на покойном драгоценности?

– Вы хотите сказать, что это грабеж? – ужаснулась Ангелина.

– Как одно из объяснений происшедшего вполне может быть, – кивнул следователь.

– Мне трудно в это поверить, – покачала головой Иванова.

– Ну что вы! При нашей-то жизни. Даже если костюм более-менее пристойный – и то бомжи его могут прибрать к рукам, – заметил Яковлев.

– Вы говорите невозможные вещи! Не думаю, что кто-то обрадовался этой добыче. Все куплено в специализированном магазине, понимаете? Вещи не предназначены для живых!

– Вот еще что хотелось бы у вас спросить, – вмешался в разговор Турецкий. – Имелись ли у покойного золотые коронки?

– Коронки были. Но давно. Потом он фарфор поставил.

– А гроб какой был? Дорогой или попроще? – снова спросил Турецкий.

– Знаете, по большому счету, ему-то все равно, в каком гробу лежать. Правда? Но на похороны пришел такой бомонд, даже вице-мэр присутствовал... мы не могли ударить в грязь лицом! Гроб был высшего качества.

– Ясно. Вы по-прежнему против огласки происшедшего, госпожа Иванова? – спросил Турецкий.

– Да. Я бы не хотела шумихи, – отрезала Ангелина.

– Огласка оглаской, но против официального расследования вы уже возражать не можете, – заметил Турецкий. – Вы должны знать, что за дачу ложных показаний свидетель несет ответственность, предусмотренную уголовным кодексом.

– Все ясно, – буркнула Ангелина. – Поехали отсюда, господа.

4

Водитель «мерседеса», на котором Турецкий, Яковлев и Ангелина приехали на кладбище, завидев подходящих, буквально чуть ли не бросился навстречу своему начальнику.

– Ангелина, Толик уже пятый раз звонил! – воскликнул он.

– Чего ему надо?

– Вроде кто наехал, но мне он ничего не сказал, – искоса взглянув на Яковлева с Турецким, полупшепотом сообщил водитель. – По голосу я почувствовал, что очко у него играет...

– Извините, господа, – сказала Ангелина и, достав сотовик, набрала номер. Выслушав Толика, Ангелина раздраженно бросила: – Какая еще баба? Кто ее вообще пропустил в телецентр! Ты что, разучился всякую шваль с порога выпроваживать? Она еще там? Сейчас буду...

Ангелина отключила связь и, повернувшись к Турецкому, сказала:

– Прошу извинить меня, господа. Срочно надо ехать на студию. Могу подбросить к метро...

– Не беспокойтесь, – улыбнулся Турецкий. – Нам не к спеху. Доберемся сами. Завтра созвонимся.

– Конечно! – уже садясь в машину, бросила Иванова.

Когда «мерседес» тронулся с места, Турецкий взял Яковлева под руку и, кивнув на стоящий рядом «опель-аксана», спросил:

– Володя, дорогой, мы во что бы то ни стало должны прибыть вовремя на свидание Ангелины с этой «бабой»!

– Понял! – уже дергая дверцу «опеля» со стороны водителя, ответил Яковлев. Дверца оказалась открытой. Через секунду они уже сидели в салоне, и Яковлев, достав маленькую, как булавка, отмычку, стал включать зажигание. В это время из строения, примыкающего к ограде кладбища, вышел мужик в армейском камуфлированном бушлате и заорал:

– Э, блин, вам чего надо от моей тачки?!

– Ключи! – крикнул ему через открытое окно Яковлев.

– Ну, блин! – взвизгнул мужик и скрылся в помещении.

Двигатель завелся, когда трое охранников уже бежали к машине. Коробка переключения передач оказалась незаблокированной, и Яковлев резко тронулся с места, на большой скорости вписываясь в поток мчащихся по улице автомобилей.

– Только не просите меня, Александр Борисович, чтобы я ни при каких обстоятельствах не передавал опыт, которым иногда приходится пользоваться нашему брату в экстремальных обстоятельствах, – улыбнулся подполковник Турецкому.

– Успеем, Володя? – вместо ответа коротко спросил следователь.

– Смотря к чему... Взрыв посмотреть успеем обязательно...

Яковлев выкруливал такими закоулками, что оставалось лишь два варианта: либо безнадёжно заблудиться, либо опередить самого черта.

– Дедушка бабушку опередил! – заметил Яковлев, подруливая к «мерседесу» Ангелины. Предъявив удостоверения, они быстро договорились на центральном входе с охранниками, прихватив с собой одного из них, чтобы показал дорогу в огромном шоу-лабиринте.

Коридор, по которому вел их охранник, вскоре уперся в широкую дверь с табличкой «ТК «Спектр». Посторонним вход воспрещен!»

Между коридором и входом в студию оказался небольшой холл. В нем расположились пара кресел и журнальный столик с пепельницами. В одном из кресел сидела женщина и сосредоточенно смотрела на закрытую дверь.

Если бы Турецкий и Яковлев остались в холле, встреча, возможно, не состоялась бы. А войди они в недра офиса – неизвестно какой еще сюрприз бы их ожидал. Яковлев нашел выход. Кроме офисной в холле имелось еще две двери, ведущих в закуток уборщицы и на лоджию. Дверь на длинную лоджию, к счастью, была не заперта. Туда и повлек Яковлев следователя. Ждать пришлось недолго. В холле появилась энергично шагающая Иванова. Сидящая в кресле женщина резко встала ей навстречу.

Яковлев приоткрыл дверь, чтобы лучше было слышно разговор.

– Ты кого похоронила, сука?! – взвизгнула незнакомка. Не дожидаясь ответа, она вцепилась растерявшейся Ангелине в волосы. Иванова безуспешно пыталась вырваться. – Ты кого похоронила?! – пуще прежнего завопила незнакомка.

Яковлев с Турецким выскочили в холл.

– Нехилый очняк получился! – громко сказал Яковлев, пытаясь влезть между женщинами. Турецкий, в свою очередь, схватил незнакомку за плечи и попытался оттащить ее от Ангелины. На шум из офиса выбежали двое парней и тоже стали разнимать женщин. Вчетвером кое-как удалось растащить дерущихся.

– Гражданочки! – сказал, отдуваясь, Яковлев. – Пройдемте в какой-нибудь кабинетик и там спокойно доспорим.

– Давайте лучше на завтра перенесем разбирательство, – тяжело дыша и поправляя волосы, попросила Ангелина. – Видите, она не в себе!..

– Я тебе сейчас покажу, кто не в себе! – незнакомка вновь приняла угрожающую позу.

Иванова была крайне раздосадована – и не только тем, что эта незнакомка задала ей трепку. Более огорчило ее появление здесь настырных ищек.

Однако ей пришлось впустить незваных гостей в офис. Все четверо расположились в кабинете, который занимал в свое время Юрий Иванов. Женщин рассадили по разным углам.

Яковлев сел между ними, а Турецкий занял директорское место, представился и строго спросил у незнакомки:

– Фамилия? Имя? Отчество?

– Иванова Валентина Сергеевна, – с готовностью ответила та.

– Так вы родственники?

– Чем таких родственников иметь, лучше на необитаемом острове жить! Я первая Юркина жена.

– Ясно, – кивнул Турецкий, многозначительно взглянув на Яковлева. – Наверное, вы до сих пор за что-то обижены на своего бывшего супруга. Вот даже траур не носите...

– По живому человеку траур носить – грех, – отрезала бывшая жена и вновь злобно взглянула на свою соперницу.

– Что значит – по живому человеку? – спросил Турецкий. – Прошу объяснить, что вы имеете в виду?

– А чего здесь непонятного. Я эту стерву по-хорошему просила похоронить Юрку у нас. Ведь мать его в Москву не наедится. И свекровь сама ее об этом же просила. Стара она уже. Куда ей до столицы ехать... Но эта дрянь не согласилась! А я ее предупреждала!..

– То есть вы хотите сказать, что покойного из могилы вырыли вы или кто-то другой, но по вашей просьбе?

– Да, а что? – насторожилась Валентина Иванова.

– А то, что есть статья 244 Уголовного кодекса: надругательство над телами умерших и местами их захоронения преследуются законом, – сухо уточнил Турецкий.

– Да не занимались мы никаким осквернением. Просто аккуратно выкопали и увезли, – несколько растерянно пробормотала Валентина Иванова.

– Как вам это удалось осуществить? – продолжал Турецкий.

– Коммерческая тайна! Однако в копеечку это нам влетело, – вновь задиристо выпалила похитительница.

– Значит, вы признаете, что похищение гроба с покойным Юрием Ивановым – это ваших рук дело? – строго перебил ее следователь, сурово взглянув на нее при этом.

– А что же, признаю! Она, сучка, на похороны не позвала.

– Неправда! Я посылала телеграмму! – вспыхнула Ангелина.

– Ага! Послала, когда уже Юрку закопали! Я сначала не поняла, думала, что ты с горя очумела... А вообще-то я собиралась заявление в милицию подать, – продолжала Валентина Иванова. – Не знаю, кого ты, дрянь эдакая, похоронила, но в гробу-то не Юрка! Его мать чуть с ума от горя не сошла, а сегодня и не знает, отчего с ума сходить! В гробу-то не Юрка! Чужой человек в гробу оказался!

– Да что вы там увидеть могли?! – с визгом, по-деревенски, выкрикнула Ангелина. – Он же обгорелый весь!

– Не надо! Я, может, и дура по сравнению с тобой, только материнское сердце не обмань! – не унималась Валентина.

– Где сейчас гроб с покойным? – спросил Турецкий.

– Так в нашем морге, под охраной. Дело темное, – всхлипнула Валентина.

Турецкий вышел из-за стола, минуты три молча походил по кабинету и сказал, обращаясь к Яковлеву:

– Я попрошу вас, товарищ подполковник, сообщить на кладбище, что угнанная автомашина обнаружена брошенной и в исправном состоянии недалеко от Останкинского телецентра и далее помочь мне и этим двум женщинам добраться до моего кабинета.

– Как! На сегодня этот кошмар еще не кончился?! – взмолилась Ангелина.

– Это называется следствие, гражданка Иванова, – сухо проинформировал ее Турецкий.

Глава третья

1

В кабинете Турецкого Валентина подробно повторила свои показания. Ангелина, сделав оскорбленное лицо, упорно молчала. Она только мельком заметила, что телекомпания «Спектр» не оставит без внимания столь наглое самоуправство со стороны милиции и прокуратуры. Валентина Иванова была готова помочь следствию, но, к сожалению, знала она мало. Только повторяла: в гробу не Юрка, а Ангелина – сука.

Турецкий принял решение продолжить допрос Ангелины после того, как побывает в Наро-Фоминске и выяснит, кому же принадлежит тело покойного, извлеченное из сгоревшей машины.

По его просьбе Яковлев связался с нарофоминской милицией и получил оттуда подтверждение слов Валентины. Коллеги из провинции были весьма озадачены свалившимся на них, словно с неба, гробом с неизвестно чьими останками. Яковлев пообещал, что они вскоре подъедут со следователем Турецким. За что нарофоминцы его искренне поблагодарили.

Перед тем как ехать в Нару, Турецкий решил поговорить с Грязновым. Он приехал к нему в МУР, и они уединились в кабинете.

– Ну что, «важняк», опять влип в дело? – хмуро спросил начальник МУРа.

– Похоже на то, – согласился Турецкий. – А ты что про все это думаешь, Слава?

– Да ничего хорошего! Ко всему еще и псы Ангелины будут по пятам с видеокамерами шастать и через эфир лажать нас на всю столицу.

– А тебя это все еще задевает? – улыбнулся Турецкий.

– Да о чем ты говоришь, Саня! – отмахнулся Грязнов.

– Собственно, Слава, я приехал попросить тебя об одной важной детали: дело действительно сложное, и я прошу тебя и Володю – никаких экспромтов! Каждый ваш шаг мы должны обсуждать вместе!

– Понял, Саня.

– И еще. Хочу, чтобы в Нару ты поехал со мной.

– Нет проблем, – с готовностью отозвался полковник.

В это время зазвонил телефон. Грязнов поднял трубку и молча выслушал сообщение. Положил трубку и поднял глаза на Турецкого.

– Ну началось. Федоров вызывает, – сообщил он.

– Юрка? – спросил Турецкий, хитро улыбнувшись.

– В данном конкретном случае не Юрка, а начальник Главного управления уголовного розыска МВД, – подчеркнул Грязнов.

– Я поеду с тобой, – вставил следователь.

– Саня, я не мальчик, – отмахнулся Грязнов. – А потом, это не твое ведомство, а мое.

– Дело не в тебе. В моем присутствии он не будет тебя отчитывать.

– Ну что ж, понятно. А то я, Саня, наивный, думал ты о другом заботишься.

– О тебе, Слава, позаботится Совет ветеранов МУРа!

Федоров был явно раздосадован, увидев, что вслед за Грязновым в кабинет входит Турецкий.

– Александр Борисович, я всегда рад вас видеть, но только не сейчас! – сухо заметил генерал-лейтенант милиции.

– В ваших словах, Юра, заложено логическое противоречие, – парировал Турецкий.

– Это лишь потому, что в жизни вообще немного логики и здравого смысла! – буркнул Федоров.

– А закон обязан все это упорядочить, – продолжал Турецкий как ни в чем не бывало. Федоров поморщился.

– Впрочем, какая разница! Судя по всему, вам, Турецкий, тоже не миновать ковра у генерального. Уже трезвонят сверху, снизу и с боков, спрашивают, за что МУР арестовал известную тележурналистку Иванову!

– Она не арестована и даже не задержана, – уточнил Грязнов.

– Как? – удивился Федоров.

– Она уже давно дома. Я допросил ее как свидетельницу по делу Юрия Иванова и отпустил, как говорится, с миром, – поддержал друга Турецкий.

– А в чем вообще дело? – потеряв лысеющую голову, спросил Федоров. – Чего они всполошились?

Турецкий спокойно и обстоятельно рассказал Федорову все, что стало известно следствию на сегодняшний день, а также заметил: если окажется, что похоронен был не знаменитый продюсер, а кто-нибудь другой, то это промашка нарофоминского следователя, который или по неопытности, или из соображений перестраховки наделал массу ошибок в самом начале.

На этом разговор закончился.

В коридоре Грязнов с ироничной улыбкой заметил:

– Знаешь, Саня, мне показалось, что Федоров несколько расстроился, узнав, что под крестиком-то вырисовывается отнюдь не знаменитый покойник.

– Возможно, – неопределенно ответил Турецкий. – Однако завтра все прояснится.

На пороге прозекторской Турецкий и Грязнов невольно задержали дыхание, предполагая, что в нос сейчас ударит неприятный запах разлагающегося тела. Запах был, но не такой сильный, как они ожидали.

В сопровождении врача они подошли к массивному, богато отделанному гробу и заглянули в его чрево.

– Ну и какие выводы? – обратился Турецкий к врачу.

– Выводы есть, – оживился врач. Он развернул папку с бумагами и продолжал: – Вот медицинская карта Юрия Иванова. Мы сравнили все, что можно сопоставить.

– Да-да, давайте, – придвинулся к нему Турецкий.

– В медицинской карте Иванова имеется запись, что в возрасте двенадцати лет у него был перелом голени. Закрытый. Наличие характерных следов еще не установили, но есть другое: в верхней челюсти у Иванова должны быть золотые коронки. Он ставил их еще здесь, в стоматологической поликлинике. Так вот, у того, который лежит в гробу, на месте коронок обычные здоровые зубы...

Ожидая результатов вскрытия, Турецкий с Грязновым вышли в приемный покой. Там сидела Валентина Иванова.

– Это мы со свекровью во всем виноваты, – медленно и негромко произнесла она.

– В чем? – спросил Турецкий.

– Юрка всегда хотел прославиться, стать звездой, кумиром телезрителей. А мать его да я, мы бабы простые, живем по принципу: лучше синица в руках, чем журавль в небе. Он человек порядочный. Когда дочь родилась, терпел, здесь работал, хотя у него тогда уже были выгодные предложения. Потом, конечно, не выдержал. А когда у него все хорошо пошло, эта стерва, Ангелина, его подцепила. Дрянь дрянью, хотя баба эффектная. Словом, присосалась к нему. Славы с ним хлебнула, потом бабки давай!

– Вы что-нибудь конкретно знаете о делах Ангелины? – спросил Турецкий.

– Нет. Он со мной и раньше не делился, знал, что не оценю, а последнее время и подавно.

- После развода приезжал к вам?
- Конечно! Мать ведь рядом живет, и к дочери навещался.
- Давно был последний раз?
- Недели три прошло, – немного подумав, вспомнила Иванова. – Привез Ленке куклу, продуктов мне и матери, но все созванивался с кем-то, все чего-то выяснял. Я еще спросила: что суетишься, должников вылавливаешь? А он так непонятно говорит: а неизвестно еще, кто кому должен. С тем и уехал.
- Скажите честно, зачем вы его выкопали? Ведь оштрафуют вас в лучшем случае! – встал Грязнов.
- Мне денег не жалко! – заявила Иванова. – Согласна и заплатить, если узнаю, что в гробу не Юрка и что сучку эту засадите!
- Скажите, его вторая жена объяснила вам, почему сообщила о смерти так поздно, после похорон? – поинтересовался Турецкий.
- Она объяснит! Провякала что-то типа того, что он долго пролежал в морге, пока, мол, труп идентифицировали, пока по номеру машины узнавали, кто хозяин...
- Не очень убедительно...
- Да! – подхватила вслед за следователем Валентина.
- Турецкий продолжал:
- ...особенно если учесть, что авария произошла на территории Наро-Фоминского района, и здесь, в этом здании, труп должен был лежать сразу после аварии...
- Пришел судмедэксперт, уже без фартука и с вымытыми руками.
- Повреждений, зафиксированных в медкарте Иванова, на трупе не обнаружено, – начал он. – Да и возраст не тот. Иванову, как известно, было сорок с небольшим. У нас же – тело молодого мужчины – не старше тридцати лет. Все повреждения, как-то: ушиб грудной клетки, травмы головы и ожоги верхней части тела – нанесены после наступления смерти этого пока не установленного мужчины. И, наконец, мы установили причину его смерти: молодой человек умер от механической асфиксии, то есть был задушен, – попытожил судмедэксперт.
- Турецкий и Грязнов переглянулись, и начальник МУРа, подойдя к напряженной до предела Валентине Ивановой, сказал:
- Видите, я ошибся – не будет вам даже штрафа.
- Значит, так, – задумчиво произнес Турецкий. – Такая медицинская экспертиза должна была быть проведена сразу после катастрофы, она проведена не была, но медицинское заключение о смерти-то должно быть! Я хочу видеть это медицинское заключение! Как можно так халатно относиться к своим обязанностям, капитан, – с укоризной взглянул следователь на нарофоминского коллегу, с мрачным видом сидевшего все это время в приемном покое и не подававшего голос.
- Так ведь вдова сразу опознала труп, и медицинское заключение у нее, – развел руками незадачливый капитан Жуков. – Потом, и погибший и она – такие знаменитые люди...
- Ладно, мы постараемся разобраться, что это за люди, – оборвал его Турецкий. – А вам, капитан, советую сменить профессию. У нас и без вас неразберихи хватает.

3

После того как Турецкий убедился, что в гробу оказался не продюсер Юрий Иванов, а некто неизвестный, он возбудил по этому факту еще одно уголовное дело. Он понимал, что Ангелина, если она замешана в этом деле, не представит ему никакого свидетельства о смерти своего мужа. В лучшем случае она скажет, что где-то потеряла его в траурные дни. Посему он попросил Грязнова посетить учреждение, занятое фиксацией рождений, браков и смертей.

Полная дама, выдавшая недавно свидетельство о смерти Юрия Иванова, встретила Грязнова любезно, но вспомнила немного. Ничего не оставалось, как потрясти местную ГАИ.

Гаишники Наро-Фоминска ничем, пожалуй, не отличаются от своих собратьев в иных городах и губерниях. Так же стоят на дорогах, в большей или меньшей степени скоррумпировавшись с дорожным рэкетом и прочей криминальной швалью, и исповедуют принцип: докопаться можно до телеграфного столба. Они с удовольствием выслушивают униженную лесть незадачливых автолюбителей и автопрофессионалов. Вот и теперь в дежурной части какой-то потный мужик в спортивном костюме пытался что-то доказать, в чем-то убедить, а скорее всего, упротить стража дорог. Работающий с ним лейтенант смотрел на него строго и требовательно.

Специально для гостя из Москвы вызвали из дома бывшего в отгуле капитана Митрохина, который в тот злополучный день выезжал на место происшествия. Капитан волновался: вдруг муровский полковник посчитает его действия неправильными и настучит местному начальству. Тогда Митрохину долго еще не быть майором.

Грязнов почувствовал настроение офицера ГАИ, но не стал его успокаивать. Пусть мужик поволнуется. Судя по его фигуре и лицу, служба для этого служаки не была богата стрессами.

– Такое дело, капитан, в машине, которую ты осматривал двадцать дней назад, был совсем не тот человек, что проходит по бумагам.

– А кто? – испуганно спросил Митрохин.

– Если бы я это знал, ты бы со мной не познакомился. А уж коли встретились, будь добр, вспомни все, что сможешь.

Капитан прерывисто вздохнул.

– Можно закурить?

– Бог с тобой, капитан! Ты же не на допросе!

Он благодарно кивнул, достал «LM», закурил и пустил струю голубоватого дыма.

– Понимаете, дело вечером было, уже смеркалось. Нам позвонил в дежурную часть какой-то человек, не представился, сказал только, что автолюбитель и что на участке дороги недалеко от Макеевки горит легковушка. Я у него спросил: пострадавшие есть? Он говорит: не видно ни снаружи, ни внутри. Выехали мы с недоверием – на этом месте сроду крупных аварий не бывало. Однако увидели, что действительно горит, да еще как! Бак уже рванул. Сначала была версия, что машину угнали, а потом подожгли какие-то бездельники. Ну мы огонь потушили, все посмотрели: как будто версия подтверждается – в салоне пусто, никаких людей. Да, когда приехали, на месте пожара парня встретили, стоял, смотрел, огнем любовался. Когда потушили, он не ушел. Я тогда за него взялся. Спрашиваю: видел что-нибудь? Он говорит: не все, прибежал, когда уже огонь поднялся. Короче, по его словам, когда он прибежал, то увидел, что возле горящей машины, не рядом, конечно, неподалеку, стоит легковушка с красными крестами, «медпомощь», значит. И двое мужиков затаскивают в нее обгоревшего человека, одежда которого еще местами дымилась. Они будто бы крикнули парню, чтобы тот не подходил к машине, пока не прогорит бензин, и умчались.

– Куда, не сказал?

– Нет. Но вскоре нам позвонил из дома отдыха начальник медчасти и сказал, что они подобрали на месте аварии обгоревшего мужчину и привезли к себе, но тот по дороге скончался. И спросил, не знаем ли мы, кто хозяин автомобиля, чтоб можно было написать заключение о смерти. Когда он позвонил, мы были еще на месте аварии. Пока приехали, пока пропустили машину через компьютер на предмет угона... Это все потребовало времени. Потом выяснили, что по угнанным автомобиль не числится, а принадлежит Иванову Юрию Степановичу. Позвонили ему домой. Жена ответила, что должен вот-вот приехать, днем звонил. Я не стал говорить ей про аварию, мало ли что, вдруг не он за рулем был, не муж. Посоветовал

ей позвонить в санаторий, в дом отдыха этот, начмеду. А после, утром, я сам начмеду позвонил. Тот мне рассказал, что приезжала женщина из Москвы, опознала тело. За рулем, дескать, хозяин был, Иванов Юрий, вот начмед и составил заключение о смерти, так как вдова очень просила не разводить волокиту. Признаться, товарищ полковник, я не стал перепроверять эти данные, знаете, начнешь копать, выроешь еще что-то непотребное. А еще когда узнал, кем этот Иванов был, ведь и передачи смотрел!.. В общем, сошло гладко, и славу Богу.

– Ну хорошо. А какое же заключение как специалист ты нарисовал о причине аварии?

– А все сошлось одно к одному!

– Что – все?

– Значит, так. Автомобиль сошел с трассы на повороте. Такое редко, но случается. Видно, скорость была приличная, потому что летел через чистое место метров двадцать до дерева и неплохо так в него долбанулся. Предположение такое: водитель за рулем курил. В передней части салона, рядом с коробкой передач, обнаружена обгоревшая и местами подплавленная металлическая канистра, предположительно из-под бензина. От удара сигарета выпала изо рта, попала на канистру – и вот...

– Не очень убедительно, – покачал головой Грязнов.

– Теперь-то уж конечно! – понуро согласился капитан.

– Ты очень поможешь себе, если вспомнишь имя, фамилию и желательно адрес парня-свидетеля и начальника медчасти.

Митрохин оживился:

– Так же вспоминать! У меня все записано.

Через минуту в записной книжке полковника появились свежие записи: дом отдыха такой-то, Виктор Григорьевич Чиж, Алексей Александрович Шатохин и его московский адрес.

– А что этот Шатохин на месте аварии делал, ежели москвич? – спросил напоследок Грязнов.

– Сказал, что дача у его родителей в том районе находится.

4

Восемнадцатилетний Алексей Шатохин работал продавцом в частном магазине «Вавилон». Туда по поручению Грязнова и направился подполковник Яковлев после обеда. На входе в яркий, пестрый и даже многолюдный торговый зал его встретил рослый охранник.

– Мне бы с Алешей Шатохиным поговорить, – обратился к нему Яковлев.

– А вы ему кто будете? – поинтересовался охранник.

– Пока никто, – простодушно ответил сыскарь.

– Не понял? – напрягся парень.

– По делу я, мне с ним поговорить надо, – повысил голос Яковлев.

– Что за дело?

– Уголовное, – исчерпав весь запас своего терпения, рявкнул Яковлев и сунул под нос охраннику муровское удостоверение.

У парня моментально поубавилось спеси. Он попросил гостя подождать и скрылся за дверью с надписью «Служебный вход».

«Ишь, засуетился, – беззлобно подумал Яковлев, – как в старые добрые времена».

Шатохин вышел к нему минут через пять. Судя по его озабоченному виду, руководство торговой точки устроило парню экспресс-допрос на предмет того, где и каким образом младший продавец мог попасть в сферу внимания уголовного розыска.

– Здравствуйте. Что случилось?

– Подполковник Яковлев, – представился муровец. – Да вы не волнуйтесь, разговор пойдет о той аварии в Наро-Фоминском районе, где вы зафиксированы в качестве свидетеля...

– А-а! – с нескрываемым облегчением протянул Шатохин. – Вы разрешите, я скажу директору, в чем дело?

Яковлев кивнул.

Шатохин вернулся в приподнятом настроении.

– Наверное, вы хотели бы побеседовать в более подходящей обстановке? – спросил он.

– Да, пожалуй, – пробормотал подполковник, невольно подстраиваясь под изысканный стиль разговора начитанного молодого человека.

Алексей привел его в небольшую уютную кофейню, как оказалось, принадлежащую фирме «Вавилон». Усадил в укромном уголке, быстро заказал кофе и, слегка наклонив голову, произнес:

– Слушаю вас.

– У меня такое впечатление, Алексей Александрович, что вы учились где-то... отнюдь не на продавца, – начал Яковлев.

– Да? Так заметно? – Шатохин улыбнулся. – Конечно, я учился и сейчас учусь, правда, заочно. А работаю продавцом потому, что стипендия маленькая.

– Что ж, все понятно. Так вот, хотелось бы, Алексей, чтобы вы вспомнили в мельчайших подробностях тот вечер, когда обнаружили возле Макеевки горящую автомашину.

Алексей наморщил лоб и начал рассказывать. Речь его текла неторопливо, гладко и даже, казалось, заученно. Рассказ Шатохина практически не отличался от того, что вчера поведал Грязнову капитан Митрохин. Оно, может, и неплохо, если бы не одно «но»: Яковлев не верил Шатохину.

– Хорошо, Алексей. В принципе ничего нового я не услышал. Но давайте кое-что уточним, – перебил он рассказчика.

Шатохин молча кивнул и пожал плечами.

– Когда вы узнали о пожаре на дороге? Где это было? Что именно вы увидели на месте происшествия?

– Понял. Значит, так. Был я на даче отца, профессора Александра Шатохина, приводил дом в порядок перед наступлением морозов. От дачи до дороги расстояние с полкилометра. Я услышал отдаленный взрыв и вспышку, зарево такое... Ну и побежал. Через несколько минут был на месте. Времени было... около шести вечера. Там уже стояла эта «медпомощь» и двое мужчин волокли к ней человека.

– По дороге не проезжали машины в это время?

– Нет. Ни одной.

– Вы уверены?

Шатохин подумал, покачал головой:

– Не знаю. Я во всяком случае не заметил.

– Вы невнимательны, Алексей. По данным поста ГАИ, на этом участке трассы за период с семнадцати тридцати до восемнадцати тридцати по дороге проехало в обе стороны более двухсот легковых автомобилей. Вы полагаете, что они все старательно объезжали место аварии? – улыбнулся Яковлев.

– Ничего я не предполагаю! Рассказываю, что видел.

– Далее. Я располагаю сведениями, что дача, о которой вы говорите, не принадлежит профессору Шатохину. Ее владелец работник телевидения Ангелина Иванова.

Алексей чуть заметно улыбнулся.

– Здесь нет противоречия. Эта женщина – моя мать.

Тут уже удивился Яковлев.

– Вот как! Что ж, извините за нескромный вопрос, вы живете с матерью или с отцом?

– Естественно, с папой.

– Почему – естественно?

– Потому что и ему и мне претит наличие в доме постоянной похабной телевизионной тусовки. К тому же мать бросила отца ради этого кривляки.

– Вам не нравился Иванов?

– Он не понравился бы мне в любом случае!

– Да, я вас понял. Вы не узнали машину нового мужа вашей мамы? – допытывался Яковлев.

– Нет, конечно. Она была вся в огне.

– Как вы полагаете, почему ваша мама так легко переносит утрату мужа?

Шатохин несколько растерянно посмотрел на подполковника.

– С чего вы взяли?

– Общался с ней...

– Послушайте, что же все-таки случилось? Мы разговариваем уже черт знает сколько времени, мне давно пора на работу, а вы так и не объяснили, в чем дело. Почему уголовный розыск занимается обычной, рядовой аварией?

– Потому и занимается, что авария не обычная.

– Да? – ухмыльнулся Шатохин.

– Так вот, Алексей Александрович, – спокойно продолжал Яковлев, – под видом ненавистного вам Юрия Иванова ваша мама похоронила другого человека.

Молодой человек, подчиняясь эмоциям, мгновенно изменился в лице. Из вызывающе наглого оно превратилось в испуганно-недоверчивое.

– В машине был другой человек? – удивился Шатохин.

– Да. Сегодня это окончательно установили.

– А кто он?

– Пока неизвестно. Но мы знаем другое: человек, сгоревший в машине мужа вашей мамы, сначала был задушен.

– Что с мамой? – встревожился Шатохин.

– Ваша мама, как вы можете догадаться, находится у нас, но она не задержана, не волнуйтесь. Согласитесь, что кое-что надо прояснить. Я, например, очень надеюсь, что вы стали жертвой обмана так же, как и ваша мать.

Алексей, покусывая губы, молчал. Потом, придя в себя, заговорил:

– Понимаете, она ничего мне не объяснила. Только позвонила домой. Она была на грани истерики и сказала, что я должен ей помочь, иначе все пойдет прахом... или что-то в этом роде. Ее речь была достаточно бессвязной. Но главное я понял: мне срочно надо было выехать на дачу и там ждать ее дальнейших указаний.

– От кого должны были исходить эти указания? – поинтересовался Яковлев.

– От нее, конечно. Там есть телефон.

– Хорошо. А во сколько был телефонный звонок? – спросил Яковлев.

– Часов около двух. У меня был выходной. Отец в это время находился на службе, так что нашего разговора никто не слышал.

– Хорошо. Дальше! – кивнул муровец.

– Я приехал на пустую дачу в пятом часу. Примерно через полчаса приехала мама. Она была на своей машине, – продолжал Алексей.

– Марка?

– Красный «пежо» – спортивная модель.

– Не опускайте подробностей, – попросил Яковлев.

– Она сказала, что только я могу ее спасти. Для этого мне надо лишь выбежать на дорогу, на которой будет гореть автомобиль. Дождаться возле него гаишников и сказать то, что я и сказал.

– У вас ничего не вызвало удивления или сомнения?

Алексей посмотрел на Яковлева затравленным взглядом.

– Ничего! Я... я подумал, что мама убила его и хочет замести следы...

– У нее были причины для этого?

– У нее, может, и не было, а у меня были.

– Вы бы, Алексей, не ошиблись в объекте, случись такая оказия. Ваша мама, впрочем, тоже. А начмед Чиж Виктор Григорьевич вам известен?

– Только заочно. Мама его иногда вспоминала в разговоре. Вроде как приятель ее. Скажите, что теперь будет? – сорвавшимся голосом спросил парень.

– С кем?

– Со мной и мамой?

– С вами, Алексей, скорее всего, ничего. Полчаса уйдет на запись ваших показаний, а потом пойдете работать. И постарайтесь никуда не уезжать, вдруг понадобится, – поставил Яковлев точку в разговоре и стал заполнять протокол допроса свидетеля.

5

До поры до времени Яковлев решил не пугать Виктора Григорьевича Чижа своим муровским удостоверением. Поэтому, подкатив на своем «мерседесе» к запрятанному в сосновом бору дому отдыха, он вошел в кабинет начмеда походкой не то «нового русского», не то опытного зека.

– Вы будете Чиж? – спросил он, надвигаясь на удивленного хозяина кабинета.

Пока Чиж соображал, что произошло, Яковлев его разглядел. Доктор был тучноват и вальяжен, как все пристроившиеся на непыльные, хорошо оплачиваемые работы.

По реакции начмеда подполковник также заметил, что не впечатлил его.

– А в чем, собственно, дело? – нахмурился хозяин кабинета.

– В том, что говорить я буду только с ним, – отрезал муровец.

– Но, согласитесь, это же кабинет начмеда! – слегка улыбнулся Чиж.

– Мало ли кто иногда сидит в кресле начальника, – ухмыльнулся в ответ Яковлев.

– Но это не серьезно...

– Я к тебе не геморрой лечить пришел! – заметил Яковлев. – У меня к тебе не медицинское дело. Мне надо по-срочному связаться с Юркой.

– С кем? – удивленно вскинул брови Чиж.

– Да брось ты, в самом деле, понты кидать! – сплюнул муровец, играя под блатняка.

– Подождите-подождите! Вы уверены, что явились по адресу? – засуетился начмед.

– Уже не уверен. Мне Чиж нужен. А ты кто?

– Ладно, пошутил – и свободен, – помахал Чиж рукой.

– Не тыкай! Дело срочное. Ангелину знаешь?

– Какую Ангелину?

– Иванову, бывшую Шатохину. А девичью фамилию не спросил – недосуг было. Ну? – напирал Яковлев.

– Прежде чем я отвечу, хотел бы знать, с кем имею честь...

– Со мной. Я работаю с малым Ангелины в одном магазине. У него как раз смена, а я сменился. Колей зовут.

– А фамилия у тебя есть, Коля?

Опытный сыскарь, пока торчал в магазине в ожидании Алексея, успел прочитать на нагрудной бирке охранника его анкетные данные и теперь пользовался ими как родными.

– Конечно, есть. Максимов.

– Ну и почему ты здесь поднял такой шум?

– Потому что Ангелина просила меня связаться с ее мужем.

– Что ты городишь? Его похоронили недавно.

– Да знаю! – отмахнулся Яковлев. – Ты же небось и бумагу выписал.

– Какую бумагу? – вполне натурально изумился Чиж. – Ты смотри не заговаривайся, а то пристрою по знакомству в дурбольничку – и будешь счастливый ходить, слюни по стенам развешивать!

– Знаю, что бумажки уже нет, – согласился муровец.

– Слушай, кто ты такой, что все знаешь? Ну-ка посиди отдохни, я телефонный звонок сделаю, – по-настоящему занервничал Чиж.

Яковлев не знал, куда будет звонить начмед, но догадывался, что тот хочет проверить, есть ли на белом свете такой человек – Коля Максимов.

– Алло? «Вавилон»? У вас работает Николай Максимов? – не сводя глаз с гостя, спросил он в трубку. Услышав положительный ответ, Чиж положил трубку и взглянул на Яковлева уже спокойнее.

– Ну убедил. Есть такой дядя. И что дальше? Мне, признаться, в голову не могло прийти, что Ангелина может иметь дело с таким контингентом! – криво улыбнулся он, окинув муровца брезгливым взглядом.

– Что, очень ограниченный? – насмешливо спросил Яковлев.

– Ого! – Чиж вновь удивленно вздернул брови. – Да мы, оказывается, чувство юмора имеем!

– Ты меня за дурачка не держи! – оборвал его подполковник. – Позвони лучше Ангелине в фирму и попроси ее к телефону.

– Сам и позвони, – грубо отмахнулся Виктор Григорьевич.

– Нет, это тебе надо позвонить, дорогой, чтобы потом поменьше идиотских вопросов задавал, – ехидно заметил Яковлев.

– Ладно, я тебе верю. Что ты хотел передать Иванову, – вдруг пошел на откровенный разговор Чиж.

Яковлев не торопился с информацией. Он минуты три с преувеличенным вниманием рассматривал небольшие акварели на стенах кабинета.

– Так что ты хотел передать Иванову? – переспросил начмед, явно выходя из себя.

– То я ему сам и передам, – четко выговаривая каждое слово, сказал Яковлев побледневшему доктору. И через секунду уже добродушно добавил: – Я узнавал у своих ребят в милиции, в чем дело. Оказывается, две милиции в работе: московская и нарофоминская. Москвичи ищут, кто гроб с телом покойного Иванова стырил. Не читал, что ли, в «Московском комсомольце»?

Чиж выругался, вздохнул и спросил:

– Еще что?

– Нарофоминские гаишники заново осматривают все на месте происшествия.

– А что же не так сделали? – громко спросил Чиж.

– Не тот Юрка человек, не того масштаба, чтобы тихонько его закопали – и вопросов не возникло. Болтают, что будто сам Президент им интересовался.

– Ну это вряд ли, – не поверил Виктор Григорьевич. – И что теперь Ангелина хочет?

– Посоветоваться, как теперь вести себя.

– Она не арестована?

– Сплюнь три раза!

– Ладно, дело непростое. Позвони мне завтра к вечеру, вот карточка.

– Не затягиваешь, Григорьевич? – с сомнением спросил Яковлев.

– А по-твоему, Юрка у меня под столом сидит! Терпи. Нет, все же одного не пойму: какой нечистый свел тебя с Ангелиной. Она же от такого контингента шарахается как от огня.

– Укатали сивку, – неопределенно ответил муровец. – У нее и спросишь при случае. Ну пока, алкозельцер!

– Иди ты!..

И Яковлев пошел, радуясь и еще не веря в такую удачу.

6

Грязнов медленно закурил сигарету и пустил струйку дыма в сторону от сидящей напротив Ангелины. Он любил в себе джентльмена и позволял себе жесты, которые так нравятся женщинам. Он не ошибся. Ангелина слегка улыбнулась и тоже закурила. Грязнов знал уже достаточно о собеседнице, поэтому обращаться к Ивановой с особенным пиететом не было необходимости. Тем не менее...

– Милая дама, наверное, вы уже знаете, что Московский уголовный розыск имеет к вам бубновый интерес? – как можно добродушной спросил он.

– Что за жаргон? – с вызовом бросила Ангелина, мгновенно посуровев.

– Это общеупотребительный жаргон в том социальном слое, куда вам скоро дорога.

– То есть? – заволновалась Ангелина, нервно затягиваясь сигаретой.

– Ладно. Давайте так, – продолжал Грязнов. – Вы известный в телевизионных кругах деятель. Значит, вам на руку любые скандалы, кроме тех, которые связаны с Уголовным кодексом. Так?

– Допустим, – буркнула Ангелина.

– Пока еще на папке не написано «Дело А. Н. Ивановой», у вас есть возможность все рассказать и фигурировать в качестве свидетеля, – проинформировал Грязнов.

– Свидетелем чего? – сделала непонимающие глаза Ангелина.

– Убийства, дорогая моя, – уточнил Грязнов.

– И кто жертва? – быстро спросила женщина.

Грязнов с хрустом потянулся и со вздохом произнес:

– Если я скажу, что ваш муж, вы мне поверите?

– Н-не знаю... – слегка смутилась Ангелина.

– На вашем месте я бы поверил, – посоветовал Грязнов.

– Почему?

– Потому что в том гробу, извините, не ваш муж, а совершенно посторонний мужчина. Или не посторонний?

Ангелина тяжело задышала и отвернулась к окну.

Грязнов терпеливо ждал.

Иванова оторвала взгляд от окна и посмотрела исподлобья.

– Послушай, сыскарь, все было тихо, спокойно, согласовано. Что ты лезешь? Что тебе надо? У вас же есть бумага, что похоронен именно Юра? А если не Юра, то где доказательства?

– Увы, гражданка Иванова, предъявлять доказательства положено обвиняемому, а вы пока свидетель, который подозревается...

– В чем?

– Ну как в чем? В убийстве, – сухо уточнил Грязнов.

– В убийстве кого? – вздернула брови Ангелина.

– В убийстве пока не установленного следствием лица. Давайте, дорогая, не будем темнить. Вы лучше меня знаете, что похоронили не мужа. Я допускаю, что потерпевший нанес вам какой-то ущерб. Но, будьте добры, изложите, так сказать, преамбулу: кто вас обидел, за что и на какую сумму?

– Ничего не знаю, – буркнула Ангелина, с вызовом взглянув на муровца.

– Так не бывает. Скажите лучше, что знаете мало, и эту малость изложите, – спокойно посоветовал Грязнов.

– Послушай, начальник, зачем ты копаешь эту историю? Думаешь на ней карьеру построить?

– Не уверен, – улыбнулся Грязнов, с любопытством отмечая про себя, как Ангелина на глазах из интеллигентной женщины превращается в уголовную маруху.

– Так вот и не обгоняй! Дело это тебе не по зубам, хоть ты в МУРе и самый главный, – зло добавила она.

– Какое дело? – не понял Грязнов.

– Дело Юрия Иванова.

– А что, уже есть такое дело? – будто несказанно удивившись, произнес Грязнов.

– А что же вы там стряпаете?

– Не мы – Генеральная прокуратура. Там ведут дело по факту гибели гражданина Иванова. – Грязнов заметил, что при упоминании прокуратуры Иванова посерьезнела или, быть может, испугалась.

– Послушайте, как вас зовут?

– Это еще зачем?

– Для нормального диалога.

– Зовут меня в общем-то Слава.

– А по отчеству?

– Иванович.

– Вячеслав Иванович, помогите!

Вопль, извергнувшийся из аккуратно подведенных помадой губ, был настолько неожиданным, что Грязнов невольно вздрогнул.

– Прежде чем я пообещаю вам помочь, вы должны кое-что мне рассказать. Неужели неясно? – собравшись с духом, вполне официально заявил полковник.

– Мой муж стал жертвой политических интриг, – начала Ангелина.

– Вы уверены?

– А вы что, не видели его передач, посвященных выборам?

– Если честно, не видел. Но ведь это когда было-то?!

– Вот и напрасно. Именно тогда вокруг его персоны началась нечистая игра.

– Это почему же? Ведь ваши победили!

– Какие там, к черту, наши! Кому надо, тот и победил!

– Ваш муж, по-моему, прекрасно знал, кому что надо, поэтому и попал в струю.

– Попавшие в струю не мечутся в поисках спонсоров. Другое дело, что после выборов спонсоры стали добрее и покладистее.

– Хорошо. Очень хорошо. Но почему же возникла такая двусмысленная ситуация? Мужа вы как бы похоронили. В гробу оказался другой человек. Вы понимаете, что в данной ситуации и вас, и вашего супруга нельзя не заподозрить в убийстве этого другого человека?

– Ничего не понимаю!

– Напрасно. Следствие установило, что не ваш супруг был положен в гроб. Сейчас выясняют, кто же там лежит. Вы не хотите помочь следствию?

– Не хочу.

– Напрасно. Ваш сын нам уже помог.

Лицо Ангелины Ивановой изменилось до неузнаваемости. Она вся напряглась, одновременно веря муровцу и не веря ему. Но слово «сын» стало для нее роковым.

– С чего ты взял, что у меня есть сын? – хрипло спросила она.

– Тебе протокол допроса показать? – с улыбкой поинтересовался Грязнов.

– Не надо... Пойми меня, опер, это не вина моя. Это беда моя.

– Ну-ну! – приободрил ее Грязнов.

– Не понукай, не запряг еще. Послушай, у тебя контора не прослушивается?

– А что, есть что сказать?

– Всегда есть – что. Не всегда есть – кому.

– Перед ментами не исповедуются, Ангелина, – улыбнулся Грязнов.

– А я тебя не на исповедь зову, – лукаво стрельнула она глазами. – Здесь я говорить не могу.

– А где можешь? – насторожился Грязнов.

– Приглашаю тебя к себе в гости. Там и поговорим о деле.

Грязнов не причислял себя к очень уж неугомонным бабникам. Но пропускал далеко не всякую юбку. Присмотревшись к Ангелине, он нашел ее вполне привлекательной женщиной. Не проходи она по делу, Грязнов вполне мог бы с ней немного пофлиртовать. В данной ситуации ничего не мешало ему подыграть дамочке, по крайней мере у него появилась возможность без санкции на обыск побывать у Ивановых дома.

– Не хотите ли вы меня скомпрометировать? – как бы между делом, вновь перейдя на «вы», поинтересовался Грязнов.

– Бог с тобой, Вячеслав Иванович! Я с твоей помощью хочу Юрку спасти и репутацию нашей фирмы. Вот только не знаю, кого надо спасать в первую очередь...

Все-таки Грязнов решил подстраховаться. Хорошенькое будет дельце, если начальник МУРа засветится в связях с подозреваемой в убийстве. Он позвонил Турецкому, но следователя не оказалось на месте. Ангелина смотрела на полковника зазывно. И он даже почувствовал в ее взгляде некоторое презрение: мол, заметался мент. Еще с минуту поколебавшись, Грязнов крикнул и решительно сказал: – Хорошо, вечером буду, но не сегодня. Жди меня завтра в семь...

Глава четвертая

1

Никита Бодров пригласил Люду Семенову в кафе. Ему не терпелось напроситься в отель, но он сдержался – сейчас она вполне может отказать, знакомы ведь без году неделя.

У девушки сегодня был выходной. Да и Никита, договариваясь о свидании, сослался на то же: мол, у него выдался на редкость свободный денек. В кафе они пришли в середине дня, поэтому с местами проблем не было. Никита выбрал укромное местечко в углу, за высоким раскидистым деревом в декоративной кадке.

– Шампанского? – спросил он, щелкнув пальцами.

– Что хотите, но только легкое. Водка сразу с ног свалит!

– А если под хорошую закусочку?

– Нет-нет, ни в коем случае.

– Хорошо, – согласился Никита.

Официант принес заказанные напитки и фрукты. Никита наполнил бокалы.

– Давайте за знакомство?

– Давайте.

– Скажите, Люда, вам нравится ваша работа?

– Почему вас это интересует? Хотите предложить другую?

– В общем, нет, но мне кажется, что в вашей работе есть плохие и хорошие стороны...

– Как во всякой другой, – пожав плечами, сказала она.

– Возможно. Но, однако, трудиться горничной в «Паласе» и, например, в Доме колхозника – это, наверное, разные вещи?

– Не знаю, – улыбнулась она, – не имела возможности сравнивать.

– То есть у вас нет никакой иерархии?

– В каком смысле?

– Ну, скажем, начинать с трехзвездочного отеля и за усердие, выслугу лет подниматься все выше и выше.

– Нет, я с таким не сталкивалась. Когда пришла устраиваться, то уже знала, что к претенденткам два основных требования: внешность и знание языков. Хотя бы английского. Но я знаю и немецкий. Собственно, это мой второй родной язык.

– Ого! – не сдержал восхищенного возгласа Никита и удивленно вытаращил глаза на девушку. – Второй родной... Это как? – полюбопытствовал он.

– Очень просто: отец – офицер, служил в Германии, в Западной группе войск. Потом приехал в отпуск в Москву, женился на моей маме. Когда я родилась, он забрал нас с собой в Дрезден. Вот там я до семи лет и общалась с немецкими девочками. После к русскому привыкать пришлось.

– Вот это да! – вновь совершенно искренне восхитился Никита. – За это стоит выпить...

– Да что вы, Никита, это же самый легкий способ усвоить чужой язык, – улыбнулась Людмила. Но неподдельный восторг ухажера ей был приятен.

– Самый да не самый, – уточнил Никита. – Меня вот, к примеру, хоть всю жизнь в Африке продержи, толку не будет никакого...

Людмилу эта фраза привела в полный восторг. Она смеялась до слез. Наверное, она в этот момент представила Никиту в набедренной повязке под жарким солнцем Африки.

– Ну с этим все понятно. Но ведь пристают? – резко перевел разговор в другое русло Никита.

- Кто?
- Постояльцы.
- Да нет... Вам-то зачем об этом знать?
- Не знаю, но мне было бы приятно, если бы к вам не приставали.
- Да-да, – Людмила рассмеялась, – помню, видела, как вам было неприятно!.. Видите ли, Никита, горничная – это, попросту говоря, уборщица. Мое дело – прибирать за постояльцами. А они бывают всякие. Так что предлагают иногда, чего скрывать.
- Не думали поменять работу?
- На что?
- У вас же и внешность, и знание языков. Могли бы переводчицей или секретаршей работать в солидной фирме. Попробуйте.
- Ну, во-первых, не буду пробовать, потому что не дружу с компьютером. Во-вторых, разные предложения и там будут поступать, но отказаться будет сложнее, особенно если слюной закипит сам патрон.
- Да, Людмила, в ваших словах есть резон...
- Рада слышать! – снова засмеялась Людмила. – Расскажите лучше, Никита, о своей работе. Горничные существуют в стране не одну сотню лет, а вот брокеров тут сроду не водилось.
- Ну-у, – замялся Никита. – Рассказывать об этом – дело неблагодарное. Всего делов-то – вовремя перекупить и вовремя перепродать. Это когда сотни две таких, как я, суетятся в большом зале, может показаться, что именно там кипит жизнь.
- А заработки как?
- От выработки. Бывает густо, бывает пусто. Я еще не очень опытный спец, поэтому раз на раз не приходится. Я ведь этому не учился...
- Вы думаете, я училась люксовые номера чистить? Нужда заставила. Я институт иностранных языков заканчивала, приличного места при распределении не нашлось, все мужики и блатные дочки захватили, учительницей в школу меня калачом не заманишь. Вот и пошла туда. Так ведь тоже по знакомству, по рекомендации.
- А кто вас рекомендовал? Тот парень?
- Какой?
- Людмила несколько насторожилась.
- Который тогда прощался с вами, в тот вечер, когда мы в первый раз встретились...
- А-а, ну что вы! Это Ваграм. Числится слесарем, но сами видели, что он похож скорее на директора компании «Лукойл».
- Левый бизнес? Девочки?
- Да, – с вызовом ответила Людмила. – Ко мне он относится хорошо. По-другому и не может быть, потому что в некоторых вопросах он от меня зависит. К тому же ничего не имею против бизнеса девочек. Сама насиделась без денег, так что если вас что-то шокирует...
- Нет-нет, Люда, что вы! Просто... ну как бы вам сказать, чтоб... мне кажется, я целуюсь не хуже!
- Ах вот в чем дело! Не переживайте, Никита, у него ко мне исключительно дружеские чувства.
- А есть человек, у которого другие чувства?
- Не знаю. Во всяком случае, мне он пока не известен. Я подозреваю, Никита, что вы ненавязчиво, но неуклюже пытаетесь выяснить, нет ли у меня друга, так?
- Да.
- Ну так нет у меня сейчас друга, хотя был, и не один. Не задерживаются почему-то. Наверное, характер у меня плохой и завышенные требования...
- К кошельку?

- К душе, к характеру. Кошелек, если голова есть, дело наживное.
- Если позволите, попытаю тоже счастья, а?

Бодров не чувствовал угрызений совести, когда говорил эти слова. Ему действительно хотелось пообщаться с девушкой не по долгу службы, а по велению сердца или если не сердца, то чего-то другого, с не меньшей силой заставляющего мужчину засматриваться на проходящих мимо милых дам.

- Что ж, Никита, вы мне отнюдь не противны. Опять же, проявили рыцарскую смелость... Он наполнил бокалы, чтобы выпить по этому поводу.

– Вы, Никита, мне кажется, тоже не брокером родились и не на продавца воздуха учились.

– Да. По образованию я юрист, но, к сожалению, учился не по тому профилю, который нынче в ходу. У меня предложение.

- Какое?
- Давай...те попробуем перейти на «ты».

– Давай.

– Знаешь, Люда, было бы здорово, если бы та наша встреча оказалась действительно случайной...

– А что, это не так?

– Не совсем. То есть с тобой-то я встретился совершенно неожиданно для себя, но пришел к отелю не случайно.

– Интересно!

– Да нет, не слишком. Скорее, банально. Видишь ли, у моего приятеля неподалеку от отеля угнали тачку, хороший дутый «мерс». Он в него почти все свои бабки вбухал. Ну не мог жить человек без такой игрушки. Сейчас в отчаянии, рвет на голове остатки волос. А у нас среди брокеров много всякой информации бродит. И серьезной, и на уровне сплетен и бредней. Вот он и услышал, что будто бы в «Палас-отеле» не то штаб, не то постоянная стрелка бригады, которая по автомобилям тут в округе основная. Я и пришел, идиот, к отелю, думал, что-то замечу. Но не жалею!

Людмила помолчала.

– Я тоже кое-что слышала, но так, несущественно. Могу помочь только одним: сведу с Ваграмом, если, конечно, ты милицию на хвосте не притащишь.

– Да упаси Бог! – воскликнул Никита.

– Хорошо, верю. С Ваграмом встретишься. Но не завтра, хорошее дело быстро не делается.

После кафе Никита предложил Людмиле прогуляться по Москве. Они пошли по Тверскому бульвару.

– Я сейчас подумал, Люда, – кашлянув для солидности, сказал Никита, – что, наверное, проигрываю в сравнении с твоими прежними ухажерами. Роман с грузинским мужчиной – это море цветов, куча красивых слов и прочее... Словом, роковые страсти. Женщины это любят...

– Да никакой мне Ваграм не ухажер, – рассмеялась Людмила, – у нас с ним дело общее, и не более того.

Как-то само собой получилось, что Никита оказался вечером в уютной двухкомнатной квартире на Сретенке. На полу валялись шкуры двух медведей, стены были увешаны декоративным холодным оружием. Особенно Никите понравился двуручный тевтонский меч. Он долго крутил его в руках, представляя себя средневековым рыцарем, а Люда глядела на него и покатывалась со смеху.

– Зачем ты собираешь это оружие? – спросил он. – Это же чисто мужское увлечение.

– Неужели не догадался? Это же должно выдавать мою суперсексуальность, – кокетливо выставив вперед ножку, ответила она. – А вообще-то все это оружие папа коллекционировал.

Никита прислонил меч к стене и одним прыжком преодолел расстояние до медвежьей шкуры, на которой в призывной позе стояла Людмила. Он упал перед ней на колени и стал целовать... Потом все происходило, как в сладком сне: он упивался ароматом ее волос и наслаждался трепетом юного тела. Перед его глазами, словно в бреду, расплывались пурпурные клинья ее платья...

Никита уснул тут же, на медвежьей шкуре. Утром, когда он открыл глаза, Людмила уже стояла над ним в том самом платье, в котором он ее увидел в первый раз у «Паласа».

– Ну что, тевтонский рыцарь, выспался? – весело спросила она.

Никита резко встал, но, видимо, выглядел несколько помятым, потому что Люда с ироничной улыбкой и некоторым сарказмом в голосе сказала ему:

– Ну вот что, Никита, мне скоро уходить, я дома никого не оставляю. Давай быстренько приводи себя в порядок и – вперед!

Никита чуть не ляпнул: есть, товарищ генерал! Да уж, не к месту был бы такой юмор. Прикусив язык, он промямлил:

– Я и не собирался оставаться. Сейчас, я мигом.

Проходя в ванную, он обратил внимание на фотографию, висевшую на стене. На фоне Берлинской стены были запечатлены улыбающиеся военные: генерал, полковник, майор и два капитана.

Не дожидаясь вопроса, Людмила объяснила:

– Полковник – это мой папа, а рядом его друзья по службе в Германии.

– Ага, ясно, – кивнул Никита и поспешил в ванную.

На улице Никита спросил:

– Люда, у тебя потрясная судьба: два родных языка, Германия... отец – полковник. А где твой отец сейчас?

– Папа погиб в прошлом году. Работал в одной фирме, которая продает на Запад, кажется, лом цветных металлов. Он сопровождал фуру с этими отходами, и на границе с Польшей на них напали бандиты. Обстреляли из автоматов. Видимо, думали, что в фуре какая-то дорогостоящая аппаратура или вещи. Сволочи...

– Прости, Люда. Бандюги совсем оборзели. – Он кашлянул и как можно безразличнее спросил: – Люда, а что за фирма такая, на которую бывшие полковники в качестве экспедиторов вкалывают?

– Да таких фирм сейчас хоть пруд пруди, не только полковники, но и генералы вкалывают. Деньги важнее погон! – грустно улыбнулась девушка.

– А фирма, где твой отец работал, как называется? – вновь задал вопрос Никита.

– «Каскад», – сказала Людмила.

Никита чуть не споткнулся. Вот так удача! Бодров представил, с каким удивлением и одобрением посмотрит на него Владимир Михайлович Яковлев, а потом и Грязнов, когда получат от него такую информацию. Никита решил приберечь «бомбу» на конец доклада о пустячных автомобильных делишках. Не просто сказать, а произнести по слогам: «Кас-кад»!

– Что с тобой, Никита? – хихикнула девушка.

– Извини, солнышко... – Никита поцеловал Людмилу в щеку. Люда остановила левака и помахала Никите рукой, крикнув, чтобы он позвонил ей вечером или зашел за ней в «Палас».

– Как у тебя дела в «Палас-отеле»? – сразу же поинтересовался Яковлев, когда Никита вошел к нему в кабинет.

– Медленно идут дела, но, кажется, верно, товарищ подполковник. Людмила пообещала свести меня с Ваграмом. Но есть и еще одна пустяковина...

– Что еще за пустяковина? – нахмурился Яковлев, почувствовав, что молодой коллега темнит.

– Дело в том, Владимир Михайлович, что, исполняя служебный долг, я оказался в квартире Людмилы и обнаружил на стене фотоснимок, на котором на фоне Берлинской стены запечатлены несколько наших военных из ЗГВ: генерал, полковник, майор и два капитана. Полковник – это родной папочка Люды. Он погиб в прошлом году на границе с Польшей, сопровождая фуру, груженную ломом цветных металлов. А работал этот полковник запаса в фирме «Каскад»! – Название фирмы Никита произнес, как и задумал, по слогам. Но эффект от его сообщения был для него совершенно неожиданным. Вместо того чтобы вскочить с кресла и воскликнуть «Не может быть!», Яковлев отвел взгляд в сторону и стал разглядывать картинку на стене своего кабинета. Никита с недоумением ждал, что за этим последует.

– Так-так, Никита, говоришь, исполняя долг, оказался в квартире красивой девицы, – переведя взгляд на Никиту, начал Яковлев. – А в постели-то побывал?

– Никак нет, товарищ подполковник, – отрапортовал Никита.

– Так что ж ты... – удивленно вздернув брови, начал было Яковлев.

– Я спал на полу, на шкуре белого медведя, товарищ подполковник.

– Ну это другое дело, – улыбнулся Яковлев, – а то я уж подумал, что молодое поколение сыскарей с девками сладить не может. «Каскад», говоришь... Это замечательно. А ниточка, значит, аж в Германию потянулась.

– Семенов в Дрездене служил, там и Людмила с ним до семи лет жила. Немецкий – ее второй родной язык. Не пойму только, на кой черт ей этот «Палас» сдался. Горничной работает!

– А про генерала-то почему не спросил, кто такой?

– Да еще успею, товарищ подполковник, – отчеканил Никита.

– Она, говоришь, на работу поехала, – в раздумье произнес Владимир Михайлович и, сняв трубку, набрал номер по внутреннему.

– Привет, Миша, зайди на секундочку, дело есть, – попросил он кого-то на том конце провода.

Вскоре в кабинет зашел капитан Михаил Шумилин.

– В чем проблема, славяне? – спросил он, улыбаясь.

– Все в том же: как в дом без ключей попасть.

– Да это проще пареной репы, – еще шире улыбнулся Шумилин, – я сейчас за портфелем схожу и – поехали...

Пока Миша ходил за портфелем, Яковлев объяснил Никите, что Шумилин лучше всякого домушника замки отмычками открывает.

Осмотрев квартиру на Сретенке, подполковник одобрительно подмигнул Никите, мол, неплохо провел время в такой обстановке. Потом подошел к старому, штучной работы письменному столу и бесцеремонно стал рыться в ящиках. Никита в это время с вождением взирал на медвежью шкуру, которая напоминала ему о бурно проведенной ночи.

Яковлев разложил на столе какие-то листы и стал щелкать фотоаппаратом. Он сфотографировал и групповой снимок, про который говорил Никита.

– Что за сочинения? – спросил Бодров, кивнув на листы бумаги.

– Немецкие тексты и вот, видишь, – Яковлев ткнул пальцем в один из листков, – над печатным немецким текстом идет русский перевод, сверху авторучкой написано. Понял?

– Конечно, понял, господин подполковник. Люда без немецкого жить не может. Второй родной, как говорится...

– Ни хрена ты не понял, Никита, – ухмыльнулся Яковлев. – Переводчица твоя Людмила, а никакая не горничная! Теперь понял?

Никита только руками развел и протянул:

– Да-а-а!

– Вот тебе и «да». Ну да ладно, поехали, – распорядился Яковлев.

По дороге он мысленно выстроил план дальнейших действий. На фотоснимке он узнал Сергея Колобова, директора фирмы «Каскад». Надо было срочно выяснить, кто этот генерал и офицеры, стоящие рядом с отцом Людмилы, полковником Семеновым. А также получить информацию об обстоятельствах гибели Семенова на польской границе. Ну и, конечно, постараться нащупать связь этого события с делом Иванова. Пока эту связь он видел только в том, что Семенов работал в фирме «Каскад», которая, в свою очередь, имела связь с телекомпанией «Спектр», возглавляемой Юрием Ивановым.

К концу дня выяснилось, что генерал на снимке – это и ныне служащий в Генштабе генерал Борис Авдеев. А полковник запаса Семенов погиб, сопровождая фуру с ломом цветных металлов через Польшу в Германию. Прошлой осенью на подъезде к польской границе фура была обстреляна. Водитель, экспедитор и охранники погибли. Все ящики с ломом цветных металлов были перевернуты, но не тронуты. Видимо, налетчики ожидали найти что-то более для них интересное. В штабе пограничной службы была информация: боевиков, напавших на фуру Семенова, обнаружили и попытались взять. В перестрелке со спецназовцами был убит один из налетчиков. Остальным удалось уйти. Рядом с убитым валялся миниатюрный автомат точно такой же системы, как у охраны Президента – АКС-74 У.

– Мой молодой друг, – обратился Яковлев к Бодрову, отложив в сторону лист с информацией, – тебе не кажется, что на этом «Каскаде» лежит печать смерти? Только недавно мы узнали о существовании этой фирмы, а уже знаем о двух таинственных смертях. Возможно, таинственное исчезновение Иванова и тот, кого похоронили вместо него, – это звенья цепочки одного преступления...

– Все надо проверить следственно-оперативным путем, – с готовностью ответил Никита.

– Молодец, – улыбнулся Яковлев. – А теперь пошли к Грязнову докладывать.

Внимательно выслушав своего зама, Грязнов сказал:

– Я склоняюсь к мысли, что мы фиксируем подпольную войну между мафиозными кланами, но, конечно, уровнем повыше, чем, как любит выражаться один наш общий друг, между парнями в цепях, перстнях и с пальцами веером. Здесь мы можем столько нарыть, что и вся следственная часть Генпрокуратуры не увезет... Но не будем пока торопиться в гости к этому генералу, а сходим в гости к очень привлекательной женщине – Ангелине Ивановой. Я решил, так сказать, поддержать почин старшего лейтенанта Бодрова. Тебе, Никита, Людмила понравилась? – с лукавинкой взглянул он на молодого опера.

– Во девка, Вячеслав Иванович! – расплылся Никита в улыбке.

– Но в отличие от Никиты я, прежде чем сделать такой пусть и приятный, но ответственный шаг, посоветуюсь с глубоко нами уважаемым следователем. Интересно, что он мне на это скажет.

Улыбка слетела с лица Бодрова, и он с грустью сказал:

– Понял, товарищ полковник, но ведь Людмила не подследственная.

– Сегодня нет, но кто поручится, что она не станет таковой завтра, – заметил Яковлев.

– Вот, Володя правильно тебе говорит, – уже набирая номер телефона Турецкого, заметил Грязнов.

Передав следователю оперативную информацию, полученную от Яковлева и Бодрова, начальник МУРа мечтательно произнес:

– Знаешь, Саня, а меня подследственная Ангелина Иванова сегодня вечером в гости пригласила. Полагаю, что ей сейчас надо довести спектакль с исчезновением Иванова до логического завершения. Эта дура решила затащить меня в постель, потом всучить сластолюбивому менту информацию, которую он заглотит. Но эти работники средств массовой информации и не подозревают, оказывается, что мы тоже можем придумывать хлесткие заголовки, которые почтет за честь напечатать даже «МК». Например, «Начальник МУРа в постели с подозрева-

емой в убийстве!» или «МУР на мару променял!». Грязнов рассмеялся собственным остроумом и замолчал, внимательно слушая друга. Через некоторое время он сказал в трубку: – До встречи, Саня, – и, подмигнув своим подчиненным, продолжил: – Итак, господа офицеры, как я ни отлынивал от этого визита, а ехать все же придется, но поеду я к Ангелине вместе с Турецким. В интересах следствия просто необходимо осмотреть квартиру таинственно исчезнувшего гражданина Иванова.

Бодров пожал плечами и вздохнул так, будто эта тирада Грязнова была обращена лично к нему: мол, набирайся, Никита, ума-разума.

2

После службы Турецкий на своей машине заехал за Грязновым, и они помчались к Ангелине. Грязнов сыпал остротами по этому поводу. Следовательно, слушая его, сдержанно улыбнулся.

– О тебе, мой дорогой шеф МУРа, ходят легенды, будто ты ни одной юбки не пропускаешь, а сегодня я убедился в их нелепости, – вставил Турецкий, добродушно хмыкнув.

– Ну почему же, – картинно обиделся Грязнов.

– А потому! – под стать ему изрек Турецкий и остановил машину возле цветочного киоска. – Какой же ты, Слава, бабник, если едешь на свидание к женщине и про цветы не вспомнил?

– Точно, Саня, не дадим нашим душам очерстветь! – воскликнул Грязнов, хлопнув себя по левой стороне груди.

Ангелина, увидев на пороге Грязнова и Турецкого с тремя красными гвоздиками в руках, произнесла с нескрываемой досадой:

– Господин Грязнов, вы и на свидание с женщиной, как на дело, с товарищем приходите.

– Что поделаешь, Ангелина, работа у нас такая, – протягивая ей цветы, сказал Турецкий.

– Ну проходите, – несколько оттаяла Ангелина. Было заметно, что она мгновенно перестроилась: приняла ситуацию такой, как она есть, и приготовилась извлечь из нее хоть какую-то для себя пользу.

Хозяйка пригласила пришедших в гостиную и усадила за длинный стол, за которым спокойно могли бы уместиться человек двадцать. Гостиная благоухала закусками, винами и дорогими духами.

Ангелина была в роскошном вишневого цвета платье с более чем скромным вырезом. Изгибаясь, как сиамская кошка, она уселась за стол напротив Турецкого и Грязнова и, вздохнув, сказала:

– Угощайтесь, господа начальники. Может, когда передачку принесете...

– Что так грустно? Господин Иванов, как выясняется в ходе следствия, жив-здоров, – мягко заметил Турецкий.

– Юра-то, может, и жив, да вот другой мертв. И вы это мокрое дело желаете на нас с Юрой повесить.

– Это наш долг. Особенно если это ваших рук дело. А чьих-то других лапок я пока не усматриваю, – продолжал Турецкий.

– Вот и зря не усматриваете, – встрепелась Ангелина. – Да уж давайте выпьем, что ли, за этот неординарный допрос, – с ироничной улыбкой добавила она и подняла бокал с вином.

Грязнов, отхлебнув вина, задумчиво произнес:

– Не говорите загадками, Ангелина. Мы вас понимаем: не повезло, раскрылся ваш фокус с подметными похоронами. Теперь вы думаете, как с наименьшими потерями выйти из положения. Не зря на прошлом допросе вы хотели убедить меня, что без Иванова телеканал сдохнет...

– Если не перекупит какой-нибудь способный человек, – перебила его Ангелина.

– Тогда какой вам был смысл хоронить Иванова, если без него вы ноль без палочки? – вставил Турецкий.

Ангелина надолго замолчала и вдруг резко, с вызовом бросила:

– Зачем вы приехали ко мне? Ведь вы, как я поняла, уже имеете достаточно оснований для моего ареста? Знаете, что Юра жив и что я послала сына на трассу...

– Успокойтесь, Ангелина, – оборвал ее истерику Турецкий. – Вы будете арестованы, если выяснится ваша причастность к убийству того, кто оказался в гробу под именем вашего мужа. Если вы к этому причастны, то советую вам чистосердечно во всем признаться. Это облегчит ваше положение... Потом... следствию все более становится ясно, что исчезновение вашего мужа – это реакция на более важные события, нежели какой-нибудь, пусть даже солидный, личный денежный интерес...

– Угадали! – оживилась Ангелина. – Юра действительно жив и прячется от своих спонсоров.

– Что так? Набрал кредитов и не расплатился вовремя? – спросил Грязнов.

– Да нет. Подобная проблема решается просто: продают имущество и тэ дэ. Юрка мой задолжал политически.

– Кому же? – спросил Турецкий.

– Концерну «Кононг».

– Изложите схему подробнее, – попросил следователь.

Ангелина нервно закурила и, бросив взгляд на Турецкого, чуть ли не выкрикнула:

– Какая, к черту, схема! Они дают бабки, «Спектр» раскручивается, приобретает значительное влияние на общественность и расплачивается политическим лоббированием.

– Так-так. И что же господин Иванов? Не захотел или не смог расплатиться этим самым лоббированием? – вставил Грязнов.

– А как тут сможешь, когда обстановка вокруг Президента постоянно меняется, ситуация давно непредсказуемая. А тем, кто сейчас командует парадом в Кремле, теперь нет дела до того, что и кому обещал какой-то телевизионный продюсеришко, хотя именно он в свое время обеспечил им еще несколько лет безраздельной власти в стране! – с пафосом завершила Ангелина.

– Почему ваш муж не попытался объяснить ситуацию своим спонсорам? – спросил Турецкий.

– Ну почему же не пытался? Еще как пытался. Он ведь честно на них работал. Когда его заходы в Кремль остались без ответа, Юра поехал в «Кононг» и попытался объяснить, что, пока Президент снова не возьмет все в свои руки, ни он, ни кто другой ничего для них не смогут сделать, – снизив тон, объяснила Ангелина.

– А что он должен был сделать, вы не в курсе? – прямо поинтересовался Грязнов.

– Неужели непонятно? – сделала Ангелина удивленные глаза. – Юрка должен был тащить их людей на ключевые посты в правительстве, в Совете безопасности. Наконец они возжелали и своего премьера. Чтобы их человек всегда рядом с Президентом находился. Но все пошло прахом: Юрины «должники» на его просьбы реагировали вяло, мямлили, что пока ничего не могут сделать. В результате вскоре все желаемые «Кононгом» посты заняли совсем другие люди. Юрку после этого и приговорили. Они предложили объявить в одной из передач, что Иванов будто бы получил огромную взятку за то, что во время избирательной кампании поддерживал Президента, а совсем недавно за взятку же способствовал выдвижению одного из нынешних вице-премьеров. В частности, помог провести избирательную кампанию в провинции, откуда этот вице-премьер явился в Кремль. Так сказать, обеспечил ему тылы. Все это, естественно, означало бы лишь одно: капут каналу «Спектр». В противном случае его грозились просто убить.

– Может, блефовали? – спросил Грязнов.

– Нет. Угроза была серьезной. – Ангелина достала сигарету и закурила. После довольно продолжительной паузы она срывающимся голосом сказала: – Для начала они собаку нашу застрелили. Как раз после того разговора, когда прозвучала угроза, Юра, приехав домой, нашел убитого пса прямо в своем кабинете. Вот тогда мы поняли, что с нами не шутят!..

– Какие-нибудь встречи у вашего мужа с руководством «Каскада» и «Кононга» при вас проходили? – спросил Турецкий.

– Только с директором концерна «Кононг» Тураевым. Он даже пару раз в гостях у нас был. Но в основном Юра общался в нем по телефону. В последнее время отношения были натянутые.

– Вы не хотите назвать Тураева одним из инициаторов наезда на вашего мужа? – допытывался Турецкий.

Ангелина пристально поглядела на следователя, будто прикидывала, как правильно ответить.

– Я этого не исключаю, но думаю, что на Юру наехали люди повыше рангом... Тураев может играть здесь лишь какую-то четко определенную роль.

– Ваш муж коллекционирует холодное оружие? – кивнул Турецкий на стену.

– Да, эти два меча ему друг какой-то подарил. Не помню уж и кто. К знаменитостям все в друзья норовят... Вот добрую половину дорогого барахла, что вы видите в нашем доме, нанесли доброты.

– А вам фамилия Семенов ни о чем не говорит? – вдруг вклинился в разговор Грязнов.

Ангелина дернулась, словно злая кошка, которую попытались вдруг погладить.

– Семенов... А кто он, собственно говоря?

– Работник фирмы «Каскад». Погиб прошлой осенью. Очень любил коллекционировать холодное оружие, – отчеканил Грязнов.

Поняв, что Ангелина более не намерена ничего сообщать, следователь и муровец откланялись.

В машине они поделились впечатлениями.

– Ангелина тянет время, Слава. Она пытается пустить нас по пути, на котором она и ее муж окажутся игрушками в руках всевластных преступников. Она даже наивно полагает, что, намекнув на принадлежность этих преступников к власти имущим, она охладит наш пыл, – ухмыльнулся Турецкий.

– Да, она знает много, если не все, и положение ее в общем-то незавидное. Меня удивляет, как ее еще не убрали...

– Вот-вот, Слава. Значит, она в этой опасной игре кому-то еще нужна. Даже несмотря на то, что она уже под следствием...

– Недолго ей осталось ходить на свободе, но таких и в тюрьме достают, – задумчиво произнес Грязнов.

– Намекаешь, что надо Ангелину для ее же блага изолировать? – спросил Турецкий и сам же ответил: – Нет, Слава, и на этот раз от буквы закона мы с тобой отступать не будем. Арестуем только после выяснения обстоятельств гибели того человека, которого похоронили вместо Иванова. А все это время постоянно с ней работать. Позаботься, чтобы за ее домом установили наблюдение.

3

Заместитель начальника МУРа подполковник Яковлев не представлял свою жизнь без телевизора. На массивном сейфе в его кабинете тихо и беспрестанно мерцал экран маленького «Фотона».

Подполковник включал его, приходя на работу, и выключал в момент ухода со службы. Словом, «Фотон» отдыхал только по ночам, и то не всегда...

Пристрастие Яковлева к телевизору породило массу всяких анекдотов в кругу его коллег и друзей. Грязнов подозревал, что его друг – большой ребенок, и всячески старался помочь ему преодолеть затянувшееся детство. Сам начальник МУРа терпеть не мог телевизоры, а яковлевский «Фотон» он просто возненавидел. Подполковник это знал, но все равно забывал выключать телевизор, когда Грязнов по делу иногда заходил в его кабинет. Вообще-то «Фотон» находился в кабинете зама еще и потому, что сыграл определенную роль в раскрытии одного весьма запутанного преступления.

Несколько лет назад искали крупного мошенника, взявшего под фиктивные договора крупные кредиты в нескольких столичных банках. Про мошенника все было известно: в какой одежде ходит, под какой фамилией и даже где проживал. Но разыскать его не могли. Причем было известно, что из Москвы он никуда не уезжал. Вокзалы и аэропорты были перекрыты. Он мог выскользнуть из столицы, разве что сделав пластическую операцию.

Проверяли все притоны, где он мог быть. Поговаривали, что есть у этого Остапа сообщница, но толком никто ничего сказать не мог. Остап принципиально трудился в одиночку.

Сыскари уже придумывали всякие формулировки-оправдания. Помог «Фотон». Яковлев по обыкновению сидел за столом и время от времени поглядывал на экран. Транслировали эстрадный концерт. Камера оператора выхватывала из зала лица зрителей. Вдруг Яковлев увидел почти восторженное лицо Остапа. Муровец тут же, никому не сказав ни слова, помчался в концертный зал. Как человек нечуждый культуры, он позволил Остапу дослушать песню, но прежде наручниками приковал его запястье к своему.

Теперь, если кто хотел подшутить над плящимся в телевизор подполковником, он просто спрашивал загадочным полусшепотом: «А кто в розыске?»

Сегодня утро было обычным. Яковлев врубил «Фотон» и, сев за стол, стал разбирать бумаги. На экране какой-то специалист от космонавтики эмоционально восклицал:

– Что такое, господа! От космического корабля, извините, гайки отваливаются, а мы твердим: все нормально! Что нормального-то, господа!

Яковлев удивленно поднял брови. Как-то он действительно не очень расстроился, узнав об аварии на нашем космическом корабле, и даже плохое самочувствие капитана корабля его не потревожило. Прав этот парень, подумал Яковлев, что-то в нас сдвинулось.

Зазвонил телефон. Яковлев поднял трубку и услышал голос Федорова. Генерал-лейтенант весьма сухо поприветствовал его и спросил:

– Куда твой шеф делся? Все телефоны оборвал, но не могу его достать со вчерашнего вечера. Неужели ты не знаешь, где он может быть?

– Только что был тут и сказал, что поедет минут на пятнадцать в прокуратуру к Турецкому.

– Знаю я их пятнадцать минут! Ладно, прими человека, который к Грязнову придет!

– Слушаюсь! – сказал Яковлев и с грустью посмотрел на экран телевизора.

Вскоре раздался стук в дверь и в кабинет вошел Сергей Колобов.

– Здравствуйте Владимир Михайлович, – поприветствовал он подполковника.

– А я-то думаю, что за человек к нам пожалует, а это опять вы, Сергей Васильевич, – добродушно приветствовал его Яковлев. – Не нашли еще своего брата?

– К сожалению, нет, – нахмурился Колобов. – Поэтому я снова здесь. Я прочитал в «Московском комсомольце» статью о происшедшем на Ваганьковском кладбище. Честно говоря, я не очень в это верю – кому в наше время надо гробы выкапывать? Чертовщина какая-то!

– А если, например, сатанисты? – спросил Яковлев.

– Так Иванов же вроде ни разу про них ничего не снимал...

– Вот этого я не знаю, – пожал плечами подполковник.

– Нет, не снимал, – убежденно заявил Колобов. Он посмотрел на часы. – Послушайте, может, я не дождусь Грязнова. Не поможете ли вы мне?

– Смотря в чем.

– Видите ли, вчера, кажется, по радио и на ТВ просили помочь установить личность мужчины, убитого примерно месяц назад...

– Да, такое практикуется. А что? – спросил Яковлев.

– Некоторые приметы очень похожи на приметы моего брата...

– Я не советовал бы вам сильно обнадеживаться... хотя, извините, здесь это слово не совсем уместно, – заметил подполковник.

– Я понимаю и не обнадеживаю себя излишне. Не все-таки кое-что... Вот послушайте...

Колобов, по всей вероятности, успел записать сообщение на магнитофон, а затем переписал некоторые моменты в блокнот. Теперь он зачитал глуховатым голосом заинтересовавшие его приметы.

Уже с первых слов Колобова сыскарь сидел как на иголках. Дело в том, что гость говорил о приметах мужчины, обнаруженного в гробу, в котором, как раньше утверждалось, будто бы был захоронен Юрий Иванов.

Яковлев попросил Колобова подождать в приемной шефа, а сам сразу же позвонил Грязнову на пейджер.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.